

Ирина Лобусова

Дьяволы с Люстдорфской дороги *Одесса*

РОМАН «ДЬЯВОЛЫ С ЛЮСТДОРФСКОЙ ДОРОГИ»
ВТОРОЙ В СЕРИИ «РЕТРОРОМАН»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ

...НЕСМОТРЯ НА ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ОДЕССА ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ ВЕСЕЛО, С РАЗМАХОМ. РАБОТАЮТ КАФЕ И РЕСТОРАНЫ, ВЕДЕТСЯ ОЖИВЛЕННАЯ ТОРГОВЛЯ, ЛЮДИ ИЩУТ РАЗВЛЕЧЕНИЙ. ВОТ И ЦИРК ПРИЕХАЛ... ОДНАКО ВНЕЗАПНО ВСЕ ОМРАЧАЕТСЯ ТРЕВОЖНЫМ ИЗВЕСТИЕМ: В ГОРОДЕ НАЧИНАЮТ ИСЧЕЗАТЬ МОЛОДЫЕ ДЕВУШКИ. И ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ, ЧТО В ЭТОМ ЗАМЕШАН ФОКУСНИК, ВЫСТУПАЮЩИЙ В ЦИРКЕ. ЕГО СТРАШНЫЙ ФОКУС С ОТОРВАННОЙ ГОЛОВОЙ ЗАСТАВЛЯЕТ МНОГИХ ЗАДУМАТЬСЯ: А ЧЕЛОВЕК ЛИ ОН?.. И ЧТО МОЖЕТ ОБЪЕДИНЯТЬ ЕГО И ПРИБЫВШУЮ В ОДЕССУ «КРАСНУЮ ДЬЯВОЛИЦУ» АНАРХИСТКУ МАРИЮ НИКИФОРОВУ?

Ретророман

Ирина Лобусова

Дьяволы с Люстдорфской дороги

«Фолио»

2017

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)6

Лобусова И. И.

Дьяволы с Люстдорфской дороги / И. И. Лобусова — «Фолио»,
2017 — (Ретророман)

ISBN 978-966-03-7802-5

...Несмотря на военное положение, Одесса продолжает жить весело, с размахом. Работают кафе и рестораны, ведется оживленная торговля, люди ищут развлечений. Вот и цирк приехал... Однако внезапно все омрачается тревожным известием: в городе начинают исчезать молодые девушки. И очень похоже, что это каким-то образом связано с фокусником, выступающим в цирке. Его страшный фокус с оторванной головой заставляет многих задуматься: а человек ли это?...

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр=Рос)6

ISBN 978-966-03-7802-5

© Лобусова И. И., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

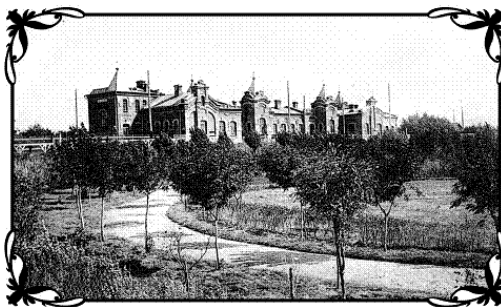
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Игоревна Лобусова

Дьяволы с Люстдорфской дороги

Глава 1

Трактир «У Русалки». Убийство. Дядя Ваня. Новая жизнь среди анархистов

Город Александровск, 1902 год

Ночь была страшной. Дождь, ледяной, не прекращающийся третий сутки подряд дождь размывал на дорогах огромные лужи. Ветер ломал ветки деревьев. Острые, колющие струи воды падали в Днепр, тонули в пенных водоворотах, вываливались на размывтый берег сильными волнами. Все окрестные дороги на окраине города превратились в непролазную топь. И без того плохие, даже в сухое время года полные рытвин и ухабов, в дождь дороги превращались в топкое сплошное болото, в ловушку для заблудившихся в здешних местах.

Одинокая человеческая фигура в темном плаще с капюшоном, похожем на монашеское одеяние, медленно лавировала в жидкой грязи проселочной дороги, с трудом пробираясь сквозь глубокие лужи, под потоками дождевой воды. Плащ промок до нитки и уже не спасал от дождя. Под порывами ветра человеческая фигура клонилась в стороны, гнулась, останавливаясь, и шаталась так сильно, что казалось: еще немного, и человек упадет, обессиленный в поединке с озверевшей стихией.

Но впечатление было обманчивым. Человек не падал, и одинокая фигура, сгибаясь под порывами ветра, каждый раз распрямлялась, продолжая это странствие в страшной ненастной ночи, противостоя мощной природе только своей собственной волей.

Впереди виднелись тусклые огни постоялого двора на самом выезде из города. Именно туда, неуклонно двигаясь вперед, и шел человек в плаще, держась как ориентира этого тусклого света.

Окраины Александровска были рабочим районом, местом, где жили только представители городской бедноты да рабочие с окрестных фабрик и заводов. Эти предприятия были тем единственным, что бурно развивалось в этом городке, из-за чего за короткий срок захудалый поселок превратился в мощный промышленный центр, один из самых крупных в этих краях. Благодаря техническому прогрессу город пополнился большим количеством жителей из всех окрестных сел. И это новое население тут же поглотили черные жерла огнедышащих заводов, похожие на настоящие адские пещеры.

За короткий срок все дома в рабочих предместьях покрылись копотью, а в воздухе навечно зависла жуткая гарь – она шла из огромных труб, которые чадили круглые сутки, и

люди, живущие здесь, ее вдыхали. И очень скоро прежде живописный поселок на берегу Днепра превратился в грязное, закопченное скопище деревянных и кирпичных домов, в которых, как в больших муравейниках, жили работающие на заводах и фабриках.

Постоялый двор стоял на самом берегу реки, возле моста, и собирались в нем бедняки. Это место пользовалось в народе дурной славой. Несколько лет назад в городке прокатилась серия страшных убийств. Трупы приезжих купцов, обобранных до нитки, с перерезанным горлом, находили в Днепре. Полиция провела быстрое расследование, и было установлено, что купцов, приехавших в город по торговым делам, убивали как раз на этом самом постоялом дворе. Это было делом рук самой хозяйки постоялого двора и ее любовника – они перерезали горло спящим купцам, и, ограбив, выбрасывали трупы в Днепр, который был поблизости.

Скандал был страшный. Хозяйку отправили на каторгу, ее любовника повесили, а сам постоялый двор стал переходить из рук в руки, и каждый раз хозяева его оказывались все хуже и хуже. Пьяные драки, стрельба, самоубийства, случайные ссоры попутчиков, заканчивающиеся кровопролитием, грабежи, сводничество – всё видели эти закопченные, почерневшие от времени и заводской сажи старые стены.

Местные старожилы верили в то, что место, где был расположен трактир, само по себе являлось проклятым. Якобы с обрыва над Днепром, на котором и построили этот дом, бросались в реку, чтобы покончить с собой, местные девушки. Страшные слухи еще больше усиливались от неприятностей, которые постоянно происходили на постоялом дворе. Но все равно – заведение как существовало, так и продолжало существовать, и было местом встречи всяких темных личностей, которые не только приезжали в город, но и жили в заводском районе неподалеку. И никакая страшная слава или слухи о проклятиях не могли помешать им собираться в этом кабаке на окраине.

Постоялый двор менял хозяев до тех пор, пока его не купил довольно предприимчивый делец из Киева, решивший осесть в этих краях. Он пристроил к дому второй этаж, расширив гостиницу, увеличил обеденный зал, достроил хорошую конюшню и заказал огромную вывеску «Постоялый двор “У Русалки”», показав тем самым, что плюет на страшные слухи и пытается использовать их для улучшения своего бизнеса.

Как ни странно, но напористость нового хозяина (и даже его наглость – с точки зрения местных жителей, веривших, что девушки-самоубийцы действительно превращались в русалок) пришлась по вкусу. Постоялый двор начал пользоваться успехом, и многие жители бедного района стали завсегдатаями этого мистического места с волнующим колоритом. И так, именно сюда и держала путь одинокая человеческая фигура в плаще, пробираясь сквозь дождь.

С вывески постоялого двора, на котором местный бесхитростный художник изобразил пузатую русалку с огромной пенной кружкой пива, лились потоки воды. Водяной поток заливал деревянное крыльцо, размыв перед порогом огромную лужу.

Человеческая фигура остановилась в нерешительности перед лужей, затем, словно с каким-то отчаянием, смело шагнула в середину, в самую глубину. Оказавшись по колени в ледяной воде, человек продолжил свой путь, пока не добрался до крыльца, залитого водой, стекающей с массивной вывески.

Только перед дверью, перед тем, как войти, человек откинул с головы капюшон. И, отряхнув воду с мокрых волос, остановился, глядя на закрытые двери. Под плащом была совсем молодая девушка, промокшая насквозь. Странно было видеть женское лицо в такой глухой час возле сомнительного постоялого двора, да еще и в такой ливень.

В страшную ночь разгулявшейся грозы даже самые отчаянные сорвиголовы прятались по домам. Прямо как по народной присказке: в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Но что-то выгнало под дождь девушку, остановившуюся перед дверью входа в самый последний момент. Несмотря на то что с промокших насквозь волос лились потоки воды, она все не решалась открыть двери.

Девушка была некрасивой. Темные волосы были острижены коротко, придавая ее облику что-то мальчишеское. Черты лица были неправильными, словно скошенными. Широкие брови вразлет, острые азиатские скулы, большой нос картошкой и массивный подбородок не добавляли ее внешности ни аристократичности, ни изящества. Хороши были только глаза – огромные, лучистые, смотрящие твердо, но в то же время удивительно ясно. Они придавали сияние всему ее неказистому облику, одновременно с этим выражая решительность, настойчивость и сильную волю. Это были глаза человека, который всегда выделяется в толпе. Их бешеный блеск заставлял даже забыть о некрасивой внешности девушки, то есть делал практически невозможное.

В фигуре ее также не было ничего примечательного. Среднего роста, коренастая, приземистая, с плоской, словно вдавленной маленькой грудью, с широкими плечами и костистыми бедрами – такая фигура не привлекала взгляды мужчин. Кряжистость, широкая кость придавали всему облику некую массивность, которая никак не вязалась с женственностью и хрупкостью. Но плечи ее были распрямлены, а голову она держала прямо и гордо на широких плечах, что означало: их обладательница не придает никакого значения своей внешней непривлекательности. Наоборот – в ее теле, судя по горящим глазам, дух и характер всегда господствовали над плотью, являясь самым главным и весомым во всей ее личности.

Девушка стояла под дверью нахмурившись. Глаза ее метали молнии, выдавая глубокую душевную боль. Но несмотря на то что она страшно промокла под дождем, в ее лице не было ничего покорного и жалкого. Из-за двери донеслись человеческие голоса, даже смех. Это словно вырвало девушку из охватившего ее забытья. Вдохнув, она нахмурилась еще больше и решительно толкнула дверь с такой силой, что едва не вырвала дверные петли.

При ее появлении голоса смолкли. Девушка остановилась на пороге и принялась рассматривать зал трактира. Непогода была причиной того, что в зале было мало людей. Заняты были всего два столика. За одним, возле камина, сидела компания мужчин. Пятеро молодых парней ели, пили и курили в свое удовольствие. Стол их был завален тарелками и бутылками, и было видно, что они явились кутить на славу.

За вторым столиком, возле стены, достаточно далеко от веселящейся компании, сидел молодой мужчина лет тридцати. Он был похож на кукольного красавца с грошовой спичечной коробки, какие продают на уличных ярмарках. В зеленой рубашке навыпуск, отделанной красной тесьмой, в лакированных сапогах поверх новых, еще блестящих, штанов, он был похож на фабричного рабочего, мечтающего о городском лоске и купившего на ярмарке все самое дорогое и безвкусное. Внешность парня также заслуживала внимания.

Большинство женщин назвали бы его красавцем, и он тоже, без зазрения совести, считал себя таким. У него были выющиеся белокурые волосы до плеч, пышные борода и усы, за которыми, судя по всему, он тщательно ухаживал, считая их главным предметом своей красоты. Но большинство мужчин просто по его взгляду могли бы обнаружить в нем такие неприятные качества характера, как лживость, малодушие, подлость и эгоизм – качества, которые многие женщины в начале знакомства просто не способны заметить.

Перед красавцем стояло несколько пустых тарелок и бутылка водки, опустошенная на треть. В гордом одиночестве, покончив с едой, он пил водку.

Рассмотрев зал, девушка решительно направилась к столику, за которым сидел красавец. Компания возле камина больше не обращала на нее ни малейшего внимания. Девушка подошла к столику и остановилась перед ним, не пытаясь сесть. С ее промокнувшего плаща на пол стекали потоки воды, превращаясь на полу в грязноватые лужи. При виде девушки красавец вздрогнул, но тут же быстро взял себя в руки, придав лицу выражение грубоватой наглости, с которой подобные типы всегда идут по жизни.

– Какого черта? Зачем ты явилась? Я же сказал тебе убираться! – Он повысил голос, что все-таки показывало, что появление девушки заставило его понервничать, но признаваться в этом он не собирается.

– Мне некуда идти, – сухо, спокойно сказала девушка, и голос ее был каким-то безжизненным.

– А мне какое дело? Я же сказал тебе: пошла вон, видеть тебя больше не хочу! Я всего два часа назад выставил тебя за двери!

Девушка молчала. Лицо ее стало таким же безжизненным, как и голос. Чтобы не выдавать своих чувств, она даже опустила глаза.

– Ты принесла деньги?

– Нет.

– А на кой черт ты тогда вернулась? – Он ухмыльнулся. – Я же сказал тебе: не возвращайся без денег! Я сказал ясно: без денег не смей приходить! Без денег ты мне не нужна, уродина!

– Денег у меня нет, – тупо повторила девушка.

– А что у тебя есть? – разошелся красавец. – Посмотри на себя в зеркало! Ты что, серьезно думала, что я влюбился в тебя настолько, что предложил бежать? Ты должна была принести с собой отцовские деньги или хотя бы драгоценности! Неужели ты серьезно думала, что нужна мне без денег? Мне были нужны только деньги твоего отца! А без них я и знать тебя не хочу. Какого же черта ты вернулась? Я сказал тебе убираться домой! Иначе я всем расскажу, что ты из себя представляешь!

Девушка молчала. Выкричавшись, красавец, против ожидания, нервничать не перестал.

– Ты вернулась домой? Ты говорила с отцом?

– Говорила, – кивнула она.

– И что он сказал? Он даст тебе приданое?

– Отец выгнал меня из дома.

– Черт! – Его возмущению не было предела. – Так зачем ты пришла сюда? Иди куда хочешь! Убирайся подальше!

– Мне некуда идти. Отец выгнал меня из дома. – Казалось, девушка не слышит его криков.

– Это ты уже говорила! А мне-то что? На кой ты мне сдалась без денег, чудовище! Подбирать тебя я не намерен! Иди и сдохни под забором! Или выступай в цирке, там любят таких уродов! Убирайся! Ну! Пошла вон!

Голос красавца снова сорвался на крик. Девушка, сохраняя молчание, неподвижно стояла возле стола. Мужчина вдруг рывком поднялся и угрожающе сжал кулаки.

– А ну убирайся отсюда, дура проклятая! Если не уйдешь по-хорошему, я сам тебя вышвырну! С крыльца спущу, мордой в грязь! Пошла! Ну!.. – Он сделал шаг в ее сторону.

И тут девушка распахнула полу плаща. Глаза красавца расширились от ужаса – он увидел, что она сжимает в руке.

Это был тяжелый армейский наган – серьезное, мощное оружие, совсем не подходящее для нежной девичьей ладони. Девушка подняла руку, прицелилась и спокойно, размеренно нажала курок.

Выстрелы грохнули с оглушающим взрывом, который разнесся по всему залу. Девушка стреляла снова и снова – три выстрела, пять, шесть... Зеленая рубашка на груди красавца стала грязно-багровой. Взмахнув руками, он стал падать, а падая, смахнул со стола посуду на пол. С жутким грохотом она разлетелась на куски. Перевернув стол, красавец распластался на полу. И даже когда он упал, девушка все продолжала стрелять. Она только шагнула вперед, чтобы точнее прицелиться в неподвижное тело.

Она выпустила в него семь пуль. Красавец давно лишился жизни – сразу же после первых выстрелов. Семь пуль почти в упор разворотили его грудь, превратив в кровавое месиво. Девушка вытерла дымящийся наган о плащ, сунула его обратно в карман и быстро вышла из зала.

...Днепр был страшен. Черный, бурный, он был далеко внизу, под обрывом, на самом краю которого стояла девушка, только что застрелившая своего любовника. Она намеревалась свести счеты с жизнью. Сильный ветер развеивал ее короткие волосы, а ледяной дождь хлестал по лицу. Девушка закрыла глаза и уже занесла было ногу над смертельной бездной, как вдруг резкий окрик заставил ее замереть.

– Стой! Остановись! Не делай этого!

Девушка обернулась. Молодой мужчина, один из тех, что ужинал в компании, бежал к ней. Он почти приблизился, но, боясь спугнуть, остановился сзади.

– Не делай этого!

– Убирайтесь! – В голосе девушки зазвучала ярость. – Какое вам дело? Оставьте меня в покое!

– Мне есть дело. – Мужчина подошел ближе. – Я не позволю тебе это сделать.

– Да? А что ты сделаешь? Вызовешь полицию? Я только что убила своего любовника! Убью и тебя.

– Не убьешь, – усмехнулся незнакомец. – В револьвере больше нет пуль.

– Откуда ты знаешь?

– Догадался. Я умею обращаться с оружием.

– Я не пойду на каторгу! – с силой замотала головой девушка.

– Не пойдешь. Я спасу тебя от нее. Поверь, есть выход получше, чем каторга или головой вниз в реку. Я научу тебя этому. Пойдем со мной. Я помогу. – Голос незнакомца был спокойным и убедительным.

– Поможешь мне? Зачем? Я только что убила.

– Это не преступление. Я расскажу тебе об этом тоже. Это не страшно – убивать. Страшно – быть жертвой. Сейчас мы должны бежать. Я помогу тебе скрыться. Меня зовут Иван. Дядя Ваня. Меня знает вся округа. Здесь много моих людей. Я единственный, кто может тебе помочь. Отойди от обрыва.

Подчиняясь его властному голосу, а главное, странным словам, девушка отступила на несколько шагов назад. Днепр больше не казался смертельной бездной. Мужчина тут же схватил ее за руку.

– Я давно искал такую, как ты. Бежим. Сейчас нагрянут фараоны. Мы успеем скрыться.

Он решительно потянул ее за собой, двигаясь четко и быстро. Скоро они оба скрылись в сплошной, сгустившейся темноте.

Яркий солнечный луч пробился сквозь грязноватую тряпку, закрывавшую окно вместо шторы. Блеснул на хромированной стали. Отражение этого яркого блеска разбудило девушку, лежавшую на кровати лицом к столу. Потирая глаза, она сбросила тулуп, которым была накрыта вместо одеяла, и села. После сна ее волосы были всклокочены, а помятое блеклое лицо казалось еще больше непривлекательным. Девушка хотела что-то сказать – но вдруг замолчала, уставясь на стол. Глаза ее расширились.

На столе было разложено оружие. Целая груда оружия всех видов и сортов. Зрелище было невиданным и страшным. Девушка машинально потянулась к плащу, висевшему на спинке железной кровати. Плащ уже высох, но был покрыт грязью. Она быстро засунула руку в карман – армейского нагана, ее револьвера, в нем не было. Вдруг она вспомнила, как, разрядив всю обойму, бросила револьвер в зале трактира на пол.

Но... Девушка не поверила своим глазам! На самом краю стола, словно отложенный в сторону, лежал ее наган. Тот самый, армейский, из которого вчера она стреляла. Этот револьвер она узнала бы из тысячи, так как помнила его с детства – она стащила его у отца.

Дверь отворилась, и в убогую комнату, стены которой были все в пятнах от насекомых, вошел ее ночной знакомый, неся в руках железную кружку с дымящимся чаем, это тот самый, который помешал ей броситься с обрыва и тем свести счеты с ее и без того уже искалеченной жизнью.

– Проснулась? – Незнакомец приветливо улыбнулся и протянул ей чашку чая, которую она машинально взяла.

– Вы... кто? – выпалила, глотнув горячий сладкий чай, больно обжегший горло.

– Дядя Ваня. Я же тебе говорил, не помнишь? Меня все в этом городе знают.

Он совсем не был похож на дядю. Присмотревшись повнимательней, девушка поняла, что ему чуть больше тридцати, и тут же про себя отметила, что он довольно привлекательный. Широкоплечий, темноволосый, с приветливым, улыбчивым лицом и крошечными черными усиками, придающими его лицу игривое выражение, он был похож на человека, весьма довольного своей жизнью. Такой человек не стал бы рисковать жизнью, спасая убийцу. Почему же он рисковал?

– А это... что? – Девушка покосилась на оружие.

Дядя Ваня улыбнулся:

– Наш новый арсенал. Вчера приобрели. Свой-то узнаешь?

Девушка аккуратно взяла свой наган и спрятала в карман плаща.

– Не бойся. Тебя не ищут. Мы все обставили так, словно на постоялом дворе произошла пьяная драка. Трое свидетелей будут клясться, что видели ссору мужчин и убийцу – заезжего цыгана. Оружие я забрал. Тебя никто не найдет. Мы умеем заниматься конспирацией. Прикроем, как положено.

– Мы – это кто?

– Мы. Теперь ты тоже с нами. Со вчерашней ночи. Вижу, ты умеешь обращаться с оружием... Стрелять.

– Меня отец учил... в детстве. Он хотел иметь сына. А родилась я.

– И он не сумел скрыть своего разочарования?

Девушка кивнула, нахмурившись. Было видно, что он разбередил старую рану.

– Если ты станешь одной из нас, никто больше не посмеет тебя обижать. Ты всегда сможешь постоять за себя так, как сделала вчера. Тебя станут бояться, – сказал дядя Ваня.

– Я не понимаю. Вы кто?

– Анархисты. Союз революционеров-анархистов. Черные дьяволы. Нас называют так. Неужели ты никогда не слышала? Откуда ты родом?

– Отсюда, из Александровска. Родители... Они и сейчас живут тут, – и она неожиданно для себя добавила: – Они никогда меня не любили...

– Как тебя зовут?

Девушка промолчала. Ее новый знакомый рассмеялся.

– Да нечего тебе бояться! Разве ты еще не поняла, что я на твоей стороне? Мы прикроем тебя и от каторги, и от полиции, и всегда за тебя постоим. Тебе есть куда идти? Ты можешь уходить, если мне не доверяешь. Твое место – с нами. Я понял это вчера. Ты создана быть борцом, а не бессловесной игрушкой для тех, кто вытирает о тебя ноги.

– Маруся. Мария Никифорова. – Девушка твердо взглянула ему в глаза.

– Будешь теперь Дьяволицей Марусей. Так называют нас. Ты ведь не из простых? – Похоже, дядя Ваня знал ответ.

– Нет. Отец – штабс-капитан. Он герой русско-турецкой войны и кавалер множества боевых наград. А еще он тяжелый, жестокий человек, который так никогда и не смирился с тем, что у него родился не мальчик. Он прогнал меня из дома. Совсем прогнал.

– За что?

– Я... Ну... Я убежала с этим... А он... Ему нужно было, чтобы отец дал за мной приданое. А когда узнал, что я сбежала тайком от родителей, без ничего, прогнал прочь. Я вернулась домой. А отец... Он сказал, что я больше не дочь ему, и выгнал на улицу. Только и успела, что стащить наган. Я сначала не хотела убивать! – Было видно, что Маруся говорит правду. – Я совсем не такая! Но когда он начал говорить... то, что он говорил, рука сама потянулась, и... Я рада, что его убила. Я даже не представляла, что так легко убивать, – закончила она с какой-то жестокой улыбкой.

– Да, убить легко. – Ее новый знакомец уставился на нее тяжелым взглядом. – Особенно за дело. Особенно тех, кто тебя оскорбил. Мы убиваем тех, кто нас оскорбил. Чтобы восстановить справедливость.

– Справедливость? Это как? – не поняла Маруся.

– Общество, основанное на частной собственности, должно быть разрушено, – заговорил четко дядя Ваня. Государство, как инструмент насилия, не имеет права на существование. Ты имеешь право выстрелить в любого, кто тебя оскорбит. Ты имеешь право убивать без мотива – потому, что это твое право. Все эти чиновники, политики, зажиточные люди, буржуа, представители средних слоев населения, интеллигенция и даже рабочие – это основная сила, помогающая капиталистам зарабатывать деньги. А значит, делать наш мир несправедливым. Мы боремся против них. И ты вполне достойна присоединиться к этой борьбе – против тех, кто всегда унижал тебя и оскорблял, – торжественно закончил он.

Маруся встала с кровати и в задумчивости сделала несколько шагов по комнате. Затем обернулась:

– Гвозди – для бомбы?

Ее новый знакомый кивнул.

Маруся улыбнулась:

– Я помогу вам ее делать. Сама сделаю, своими руками. И брошу тоже сама.

Глава 2

Подземелье Тюремного замка. Исчезновение самого страшного заключенного. Смерть кладбищенского сторожа. Находка в камере Призрака

Одесса, середина февраля 1917 года

Подземелье Тюремного замка было огромным. Оно тянулось под всеми корпусами, как страшный подземный червь, своими мрачными кирпичными сводами наводя ужас даже на работников тюрьмы.

В подземных лабиринтах крыльев тюрьмы содержали самых отпетых злодеев. Именно там находились одиночные камеры и несколько карцеров – эти инструменты устрашения в последние месяцы использовались достаточно часто.

Вооруженный охранник шел по подземному коридору, держа связку ключей. Он прислушивался к стенам, доносящимся из-за наглухо закрытых дверей карцера. Охранник остановился возле развилки двух подземных коридоров, освещенных тусклой керосиновой лампой, и стал ждать. Вскоре появился его напарник, он быстро шел по крайнему правому коридору с невероятно мрачным лицом.

– Нету его нигде! – Второй охранник говорил шепотом, как человек, который сообщает глубокую тайну. И действительно, при первых же его словах первый охранник приблизился почти вплотную, и видно было, что он с вниманием ловит каждое слово. Выглядел он взволнованным. А второй продолжал: – Все обошел, осмотрел. Осталось только за здесь пошарить, в карцере. – Он говорил быстро и шепотом, но, несмотря на это, его слова, отражаясь от подземных сводов, звучали отчетливо: – В этот раз его точно выкишнут! Вот – вот будет проверка начальства, аккурат перед сигналом тушить свет, и все, пролетит, как фанера над Кацапетовкой... – Он тоскливо оглянулся.

– От швицер замурзанный! Пряма халабуда на тухесе... – Первый охранник выглядел также очень взволнованным. – Он же за слово фасон аж ушами прикипел!

– Нехай тебе полцугундера шнурки завязывает, халамидник задрипанный! Ты ведь знал за то, шо братец твой пьяница, за уши закладывает! А ты взял и устроил его на работу в тюрьму. А здесь такие песьи морды не прописаны. Взять хотя бы этого Призрака... – Охранник не договорил.

– Шо ты фордабычишься за картину маслом? – возмутился его напарник. – Я все хотел тебя за цей гембель... Призрак – он за кто?

– Нихто толком ничего не знает. Но слухи разные ходят. Только вот про него вообще никто не хочет говорить. Боятся, – скривился охранник.

– Тю! Бояться! Да простужаться за цей гембель – як у Ёперный театр за свиным рылом!

– Ой, шоб ты был мне здоров! – охранник снова понизил голос до шепота. – Говорят за то, шо он черт. Продал свою душу дьяволу. Когда он еще не был Призраком, а только политическим, под номером, без имени, посадили его вместе с тремя сокамерниками за Кишиневский тюремный замок. Он так тихонько зашел в камеру и за койку возле параша сел. Так вот: утром, на рассвете, когда очередной шмон перед побудкой, шухер, гембель, все такое. Открывает надзиратель двери, а в камере... В камере трое этих уголшей в ряд висят на потолочной балке. Повесились все трое, а веревки сплели из простыней. – Он нервно чиркнул спичкой и закурил. – А его в камере не было. Сбежал он. А ты за него базар... Черт – шоб мне шухер с кисточкой! – поперхнулся он папирсой.

В воздухе зазвучал протяжный мучительный стон, взвившийся вверх пронзительной нотой. Оба охранника вздрогнули, причем первый едва не выронил с перепугу ружье, а второй – папиросу. Первый охранник быстро перекрестился.

– Да не простужайся ты за цей гембель! – усмехнулся второй. – Это в карцере стонет один политический. Обработывали его сегодня да переусердствовали маленько – и дубинами били, и плетями... Исходили до полусмерти. Вот и лежит теперь, стонет. К утру, похоже, душу Богу отдаст. – Охранник пожал плечами и снова попытался раскурить папиросу.

Но стон прозвучал вновь – громкий, тоскливый, полный нечеловеческой боли, резко взвившийся вверх тонкой нотой и почти сразу глухо потонувший под каменными сводами тюрьмы.

– Начальство зверствует, – вздохнул второй охранник, – бьют их страсть как... А они все молчат... Либо молчат, либо ругаются, как проклятые... Выродки, не люди. А потом помирают, не выдерживают. А мы зарывай их – день за днем. Как помрет, мы под покровом ночи в мешок заворачиваем, выносим и в яму бросаем. Когда яма заполнится, ее зарывают и соседнюю рядом роют. И концы в воду. По документам человек вроде как в тюрьме сидит, суда ждет, а на самом деле давно гниет в яме. Нехорошее место тюрьма наша. Плохое оно. Проклятое.

– Да где ты за хорошую тюрьму видел? От фасон за вырванные годы!

– Люди языком наматывают... – голос охранника снова был полон трагического шепота, – что в месте этом самом хоронили некрещеных младенцев. Вот и бродят теперь в наших подвалах ихние проклятые души. Плохое место, дьявольское. Недаром с высоты птичьего полета тюрьма наша напоминает лежащий крест. Ночью, когда садится туман, вокруг тюрьмы бродят давно умершие заключенные, которые были тайком зарыты. Не похоронили их по-людски, вот и бродят теперь, ищут, кому отомстить. Говорю тебе, плохое место. – Он тяжело вздохнул.

Оба охранника замолчали, погруженные каждый в свои мысли. И снова раздался стон. Первый охранник опять перекрестился – он был суеверен до ужаса. А стон звучал действительно страшно – особенно в подземелье тюрьмы.

– Слухай, а шо будет, если мы глянем за черта хоть одним глазком? – В глазах охранника загорелось любопытство. – Когда еще такой случай зафасонится? Посмотрим, шо его от людских глаз прячут. Может, урод какой? До сигнала тушить свет еще за полчаса!

– Ну, если за один глазок... – как бы нехотя согласился его напарник.

И, сжав в руке универсальный ключ от всех камер, который всегда был на вахте караула в подвале, первый охранник все же как-то нерешительно направился в левый коридор, в самую глубину. В последних камерах этого коридора содержались особо опасные преступники, которым полностью был запрещен контакт с внешним миром. И с охранниками тоже.

В тюрьме стояла мертвая тишина. Прекратились даже стоны политического – несчастный узник либо умер, либо уснул. Керосиновые лампы, освещающие длинный коридор подвала, чернели совсем тускло, и от этого по кирпичным стенам, поросшим мхом, плясали фантастически изогнутые тени. Это было самое мрачное место тюрьмы. Здесь, глубоко под землей, содержались те, кто давным-давно потерял человеческий облик, отпетые из отпетых, преступ-

ники, несущие угрозу всему обществу. Недаром многие охранники действительно верили в то, что они продали душу дьяволу.

Условия содержания таких заключенных были строже, чем всех остальных. В отличие от прочих заключенных, им было запрещено носить свою одежду. Весь срок заключения они ходили в холщовой арестантской робе. Часто их приковывали кандалами к стене. Им были полностью запрещены контакты с внешним миром. В камерах полностью отсутствовали окна – даже узкая прорезь в камне, позволяющая увидеть кусочек неба. Ничего, кроме толстой, прочной кирпичной кладки стены.

Днем их камеры освещали тусклые, чадающие лампы, не разгоняющие многолетний мрак подземелья. Заключенным были запрещены прогулки и общение с охраной. На допросы их водил специальный конвой – единственные люди, которым позволялось видеть их лицо. Еду арестантам доставляли в узенькое окошко в двери. Охране не разрешалось с ними разговаривать. И от таких жестоких, страшных условий содержания многие узники сходили с ума.

Камера № 322 была последней по коридору. Охранники остановились перед дверью – внутри была мертвая тишина. Оба почти синхронно тяжело вздохнули, переглянулись, и наконец первый охранник открыл дверь ключом. Замок щелкнул.

– Встать с нар! Руки за голову! – зычно крикнул в темноту камеры второй. Ответом ему была мертвая тишина.

Тусклый фитилек керосиновой лампы, подвешенной над дверью, почти не разгонял густого мрака камеры. Потолок был низкий, а потому внутри даже нельзя было стоять в полный рост. Глаза охранников понемногу привыкли к темноте, а потому они через время разглядели железную койку у стены, ведро напротив нее. Еще они увидели глиняный кувшин с водой на полу да плоску с краюхой черного хлеба. И всё. Больше внутри ничего не было. Камера была пуста.

– Шо за... – Второй охранник словно забыл все слова, с ужасом разглядывая пустое пространство, в то время как первый вдруг начал энергично креститься обеими руками, словно отмахиваясь от чего-то очень страшного. Продолжая креститься, он вошел внутрь. Сомнений не было: узник исчез – каким-то образом исчез. Внутри помещения действительно никого не было. Оба охранника не верили своим глазам.

Внезапно второй вскрикнул, указав на стену напротив кровати:

– Смотри! Свежая кладка, и кирпичи другие. Тут за ремонт делали?

– Мы под трибунал пойдем! – по-бабски запричитал первый. – От це шухер! Сбежал! Когти вырвал!

– Может, он сбежал за прошлую смену. Мы сейчас с тобой пойдем до начальства, да вениками прикинемся – слышали, мол, шум в 322-й камере, не знаем, как поступить. Начальство явится камеру открывать, а мы с ними – вроде как чистые. Заодно и про свежую кладку в стене узнаем. – Второй охранник, похоже, моментально сообразил, что нужно делать.

Не прикасаясь ни к чему в камере, оба заперли дверь и, с ужасом пятась, быстро оказались за пределами страшного места, в коридоре. Тусклая керосиновая лампа в камере все продолжала гореть.

К ночи сгустился туман. Старый сторож Второго христианского кладбища, расположенного напротив тюрьмы, в узкое оконце своей сторожки смотрел, как его ключья стелятся по снегу, по самой земле, окутывая ночную мглу вокруг мутной дымкой. Из-за туч давным-давно вышла луна. Ее свет, отражаясь от белого снега, освещали все вокруг настолько ясно, что если бы не туман, ночь была бы совсем светлой. Туман казался плотной вуалью, придающей дымчатость и размытость даже белому свету. В его окружении луна казалась похожей на белое блюдце, закрытое дымчатой салфеткой на темной скатерти ночных облаков.

Ворота кладбища были давным-давно заперты на крепкий висячий замок. Ночью похолодало, ударил мороз, и даже собаки не пролезали в дыры ограды, стараясь спрятаться где-то, забиться в какую-нибудь щель от холодной ночной погоды.

А еще надо отметить, что ворота кладбища были расположены почти напротив главных ворот тюрьмы. И год за годом старик-сторож наблюдал мрачный кирпичный замок тюрьмы, не меняющейся со временем. Он много повидал на своем веку. Видел облавы на кладбище, когда жандармы искали сбежавших заключенных, отпирал ворота тюремным охранникам, тайно хоронившим узников, скончавшихся в тюрьме, такие тайные, совсем не христианские похороны, всегда совершались по ночам. Видел белые, расплывчатые силуэты, в лунном свете бредущие по заснеженной или размытой дождем дороге, – скорбные души тех, кому уже не суждено было выйти за мрачные ворота тюрьмы. Сторож кладбища мог рассказать очень многое. Но долгий опыт работы приучил его держать язык за зубами. На собственной шкуре он не раз выучил избитую истину: меньше знаешь – лучше спишь и меньше болтаешь – больше денег.

А потому без ужаса он взирал на мрачные окрестности самого страшного места в городе, где кладбище было расположено прямо напротив тюрьмы.

Тюрьма, построенная в форме креста, казалась страшным символом вечного отсутствия надежды, так же, как кладбище – символом вечного покоя. И неизвестно, что из них было страшней.

В кладбищенской сторожке старик провел почти всю свою жизнь. Он привык дежурить по ночам. И если поначалу, в молодости, временами он дрожал от страха, то за долгие годы службы из души его полностью ушел страх. К тому же он привык видеть тюрьму, и здание ее из красного кирпича уже не казалось ему таким страшным. И, как старожил кладбища, он даже мог рассказать ее историю – потому что, будучи грамотным, время от времени почитывал газеты, которые оставляли на кладбище посетители. Так он узнал о том, кто и когда построил тюрьму.

8 сентября 1891 года в Одессе на Люстдорфской дороге состоялась закладка нового Тюремного замка. Новую тюрьму решено было строить, потому что старая, расположенная в самой черте города, уже не вмещала всех узников. Город рос, увеличивалась преступность, а вместе с тем росла и необходимость в новой, более вместительной тюрьме.

Городская власть Одессы (в те времена городским головой был Григорий Маразли) выделила участок земли возле Второго христианского кладбища вдоль Люстдорфской дороги. Здание тюрьмы спроектировал архитектор из Петербурга А.О. Томишко, который до этого закончил строительство «Крестов» – знаменитой петербургской тюрьмы. Арку же главных ворот Тюремного замка делали по проекту архитектора Бернардацци. И несмотря на то что она украшала вход ни много ни мало в тюрьму, это получилось настоящим произведением искусства.

20 июля 1894 года строительство Тюремного замка было наконец завершено и обошлось городской казне в 843 тысячи рублей серебром. Все работы вел специально созданный Городской строительный комитет.

Центральное строение замка было сооружено в виде креста; в центре его находилась башня. Огромный крест словно подчеркивал страшную судьбу тех, кто должен был оказаться в его стенах. От башни расходились четыре крыла с галереями, по бокам которых были расположены одиночные камеры. Каждое четырехэтажное крыло имело еще и подвальное помещение. В комплекс тюремных строений входили также баня, кузница, кухня, больница на 100 коек и церковь. Сразу же после открытия узников переместили в новое помещение, и тюрьма начала функционировать, моментально заслужив самую плохую славу в народе.

Эту славу усиливали и страшные поверья и предания, вызванные тем, что участок земли, на котором построили тюрьму, прежде использовался как кладбище, где хоронили покойников, которых нельзя было хоронить на освященной земле: некрещеных, самоубийц, младенцев, умерших при рождении, и детей, которых не успели окрестить.

После строительства тюрьмы покойников такого рода так разрешено было хоронить на Втором христианском кладбище – для этого там отвели специальный участок земли. Этот не освященный участок, расположенный вдоль ограды, был местом погребения изгоев, над которыми нельзя было произвести христианский обряд. Ну а когда тюрьма, так сказать, начала работать, в этом месте стали тайком хоронить узников – убитых или умерших, для чего под самой оградой вырывали специальные ямы. И поскольку все посетители кладбища знали, что это за место, туда никто не заходил. И такие тайные захоронения легко удавалось скрывать.

Сколько тайн было погребено под страшной стеной, знал только кладбищенский сторож, время от времени за особую плату открывающий ворота по ночам. И никогда не интересующийся тем, кого хоронят в страшном, запретном и неосвященном месте.

В ту ночь ничто не предвещало таких похорон. Обычно из тюрьмы сторожа извещали заранее. Но в такую холодную и туманную ночь он не ждал незваных гостей. И потому был страшно удивлен, услышав стук в ворота и звон цепи, словно кто-то трогал замок.

Сторож насколько мог быстро вышел из сторожки и засеменил к воротам, несмотря на туман, отчетливо просматривающимся в лунном свете.

– Кто здесь? – крикнул старик. Зрение у него было уже слабое, а потому издали он не мог разглядеть, кто стоит возле ворот. Во всяком случае ему показалось, что он видит темный силуэт, и это был человек.

На всякий случай взяв короткий железный лом (старик был готов к любым неожиданностям – при его зрении ему с успехом не раз доводилось ломом прогонять из-за ограды пьянчужек), сторож быстро шел к воротам, всматриваясь в дорогу за оградой.

Он подошел совсем близко – и остановился как вкопанный. В первый момент ему показалось, что за воротами никого нет. Но, присмотревшись, он вдруг разглядел полупрозрачную фигуру, светящуюся в темноте странным желтоватым светом. В этом зрелище было что-то сверхъестественное, и, подняв перед собой лом, сторож лихорадочно начал креститься:

– Изыди, Сатана!

Но человек (если это был человек) между тем быстро приближался к воротам. Страшная фигура перемещалась, мерцая в темноте. Сторож отшатнулся – прямо из темноты на него сверкнули два ярко-алых раскаленных глаза существа. А цепь, на которой висел замок, вдруг зашевелилась, и замок, раскрывшись сам по себе, упал на снег. И страшное существо не прикасалось к нему.

Сторож издал сиплый крик и стал пятиться назад. Между тем существо шагнуло на территорию кладбища, за пределы ворот, и стало быстро двигаться по направлению к нему, почти не касаясь земли. Страшное видение перемещалось в воздухе, сверкая адскими алыми глазами. Откуда и голос взялся – завопив как сумасшедший, старик принялся бежать, забыв про лом, который утонул в снегу. Но сторож был стар: поскользнувшись, он всем телом рухнул в снег. В тот же самый момент страшные когтистые лапы сомкнулись на его горле. Последним, что ощутил сторож перед смертью, был странный сладковатый запах, исходящий от существа. Потом воздух исчез, все завертелось и провалилось в бездну...

Труп сторожа без признаков насильственной смерти нашли утром на снегу. Старик лежал на спине, широко раскрытыми глазами уставившись в пасмурное зимнее небо. На лице его застыл дикий ужас, от которого всем, кто на него смотрел, было страшно, и все отводили глаза. И тем не менее на фоне жутких вестей, пришедших из тюрьмы, смерть сторожа прошла незамеченной.

Из тюрьмы сбежал опаснейший преступник по кличке Призрак. Но это было еще не всё. Несмотря на то что страшные слухи передавались шепотом, они очень скоро расползлись по всему городу.

Рассказывали, что когда начальник тюрьмы раскрыл камеру Призрака, первое, что в ней обнаружили, это была свежая кирпичная кладка. Было решено ее вскрыть. Ну и когда ее вскрыли, оттуда выпал труп охранника. Выяснилось, что это родной брат другого охранника – того, который в ночь побега Призрака нес караул в тюремном коридоре.

Труп был без одежды – похоже, ее отобрал Призрак, в ней и выбрался из тюрьмы. Но как в закрытой камере у него взялся строительный материал? Никто и предположить не мог. Призрак проломил стену, вырубив что-то вроде ниши в камне, и поместил туда охранника, забив ему в рот кляп. Несчастного служаку Призрак замуровал заживо...

Глава 3

Встреча с Тучей. Дьявол в юбке. Под тюрьмой. Новый враг Тани

Одесса, март 1917 года

Таня быстро шла к выходу, наблюдая за черным дымом, взвившимся над кладбищенской оградой. Вдали были слышны тревожные голоса. Крики людей разносились в холодном морозном воздухе и охватывали не только дорогу перед кладбищем, но и проникали за ограду, нарушая вечный кладбищенский покой. В небе над кладбищем галдела целая стая растревоженных птиц – вот что напомнили Тане эти звуки. Слов не разобрать, ничего не разобрать, но от них, как и от растревоженных птиц в воздухе, только острое чувство тревоги.

Она шла быстро, четко печатая шаги на подтаявшем снегу, стараясь не смотреть себе под ноги. Плотнo завернувшись в черный платок, она была не похожа на саму себя. Элегантные наряды и сходство с благородной дамой были далеко в прошлом.

Смерть бабушки пробила в душе Тани огромную брешь, через которую вытекло почти все: радость от жизни, жажда денег, забота о собственной внешности, желание быть элегантной и прочие суетные мелочи, без которых она прежде не мыслила саму себя. Неизменным осталось только одно: жажда жизни.

Эта жажда жизни, возрождающаяся в ней борьба и толкали Таню вперед, заставляя снова войти в мир – просто ради того, чтобы почувствовать это ощущение жизни, вновь вернувшейся к ней. Это было намного лучше, чем в одиночестве умирать от тоски. Будучи от природы борцом, Таня не собиралась погибать, опустив руки. Она не привыкла бездейтельно плыть по течению и не могла пассивно ждать, когда ее полностью накроет лавина обрушившегося на нее горя. Предательство Володи и смерть бабушки разбили ее сердце, но не убили ее душу. Ей нужно было выбираться из этого. И ради этой души она должна была жить – жить дальше, помня, что именно этого, чтобы она жила, хотела для нее бабушка. Бабушка, которая когда-то отдала ей всю свою жизнь, посветив себя жизни Тани... Она смахнула слезы и, немного постояв, двинулась вперед. И ради ее бесценного дара Таня собиралась жить. Если не ради себя, то хотя бы ради бабушки. Ее памяти.

Таня шла быстро и вскоре дошла до красивых часовен возле кладбищенских ворот. Почему-то они всегда вызывали у нее страх. Как и большинство людей, Таня не любила кладбища. Ну а сочетание кладбища и тюрьмы всегда наводило ее на самые мрачные мысли. Она не могла забыть, что в подземельях Тюремного замка когда-то страдал ее Гека.

Теперь Японец собирался на штурм тюрьмы, и сама эта затея казалась Тане бредовой. И она прекрасно помнила мрачные, высокие стены из темного кирпича, помнила неприступ-

ные смотровые вышки. Тюрьма – не банк. С налета ее не взять. Таня прекрасно помнила, как говорил Японец о тюрьме, когда она просила его помочь Геке.

Что же произошло теперь? Что изменилось за те месяцы, пока Таня была почти оторвана от криминального мира?

Погруженная в свои мысли, она шла, не обращая внимания ни на что, не видя ничего вокруг. И только поравнявшись с часовней из серого камня (не хватало лишь горгулий на крыше, чтобы часовня сошла за самый мрачный образец архитектуры мистического средневековья), Таня вдруг услышала тяжелые шаги за спиной. Кто-то ее догонял. Было слышно прерывистое дыхание спешащего человека.

Острое чувство тревоги кольнуло ее, как гвоздь. Таня замедлила шаг. На пустынных аллеях кладбища могло произойти все, что угодно. Не то чтобы она боялась – ей давно уже был неведом страх. Просто ощущение тревоги было свидетельством возвращающейся к ней жизни.

– Да останови ты за ноги, черт тебя дерит! Бегу, кричу, гембель за ту голову – хотя бы раз глаза побоку! – вдруг раздался за спиной Тани знакомый голос.

Она обернулась. У нее моментально отлегло от сердца. За ней бежал один из людей Корня – массивный, толстый бандит по кличке Туча. Его объемное, большое тело росло не ввысь, а вширь, за что он и получил свое прозвище. Маленький толстяк считался в банде Корня казначеем, на нем лежали общие расходы и подсчет заработанных средств. Поговаривали, что когда-то он учился в гимназии, но его вышибли оттуда за то, что он умудрился подделать подпись директора на чеке и получить по нему деньги. От тюрьмы Тучу откупили родители, но с тех пор он покатился по наклонной дорожке. Из-за тучности он не мог участвовать в налетах и разбоях, поэтому занимался денежными делами, а также изготовлением фальшивых денег и подделкой документов. Тут Туча достиг совершенства. Его звали в другие банды, но он был предан Корню, так как тот однажды спас ему жизнь. В последнее время Тучу очень ценил Японец и все чаще и чаще пользовался его работой.

И вот этот бандит из высшего эшелона бежал за ней. Глаза Тани расширились от удивления.

– Что ты здесь делаешь?

– Со священником местным надо было базар завести, – пропыхтел, чуть отдышавшись, Туча, задыхаясь и хватаясь за сердце, – а потом за тебя увидал. Ну шухер – никакого фасону! Едва не загнала в могилу!

Таня улыбнулась – бедный толстяк Туча! Действительно, шла она быстро, должно быть, для него поспевать за ней стоило немалого труда. Она улыбнулась.

– Отдышись ты ради бога! Я тебя, честно, не слышала. О своем думала. Бабушку мою сегодня похоронили...

– Ох, я не знал... Прости... Прими мои соболезнования... За все такое... Держись, милая! – Туча искренне опечалился.

Таня отмахнулась от него рукой – она была не настроена выслушивать соболезнующие слова, тем более от Тучи. Утешительные речи быстро довели бы ее до слез, а она намерена была сохранять ясность рассудка.

– Корень там, у тюрьмы? Ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Ой, два адиёта в четыре ряда гембель себе на нервы заделают... – оживился Туча. – Они таки заделают, свиноты неоцинкованные... Давай, стой за здесь. За то время, что ты пропадала невесть где, как у киски гланды, случилось кое-что другое.

Таня и Туча, оглянувшись и не найдя ничего другого подходящего, присели на мраморную скамью на центральной аллее, и Туча принялся рассказывать, энергично жестикулируя. По его словам, все началось с налета на Румынский клуб, который Японец совершил в январе 1917 года.

Этот налет был невероятно успешным. Со своими людьми Японец вошел в Румынский клуб посреди белого дня и обчистил его полностью. В этот день в клубе шло какое-то важное заседание, и находились там не только жандармы, но и шишки из военного гарнизона. Но когда люди Японца с добычей покинули клуб, раздался взрыв.

Шишки из жандармов и военных превратились в кровавое месиво, а в теракте тут же обвинили Японца и его людей. Озверевшие фараоны принялись искать Японца по всему городу. А тот и понятия не имел о взрыве и не понимал, почему фараоны что ни попадая хватают его людей, даже мелких сошек. Каково же было его удивление, когда он узнал, что взрыв в клубе устроили анархисты (та самая группа, которая позже, в феврале, взорвала Людоеда и начальника Отдельного жандармского корпуса). А бомбу действительно подложил один из его людей, который был связан с анархистами.

Японец хотел лично наказать негодяя, но не успел: предатель сам упал в руки фараонов во время одной из облав, а на людей Японца была устроена засада, в которую попала большая часть его банды, в том числе извечные адъютанты Гарик и Майорчик. Люди Японца очутились в Тюремном замке, и стало известно, что их собираются расстрелять в тюремном дворе – как говорится, без суда и следствия.

Тем временем самая серьезная анархистская группировка, взявшая на себя ответственность за большую часть терактов, происходящих в городе, вышла на связь с Японцем и предложила работать вместе. Для начала – вызволить из тюрьмы его людей. Японец согласился. В назначенный час он привел всех членов банды к зданию тюрьмы и поставил ультиматум: либо из тюрьмы выпускают его людей, либо он возьмет тюрьму штурмом.

– И он действительно готов за это сделать. Так и приказал: мол, халамидники тюремные пусть за цугундер ему шнурки завязывают. Зафордабычился – картина маслом! Под тюрьмой много оружия, и це не шмутки, за то не шара, – говорил Туча с мрачным выражением лица. – Анархисты эти, шоб они мне здоровы были и зубами не чихали, за таких швицеров навезли, шо как кур в ошип! Штурмовой отряд – за вырванные годы не тот фасон! На всё способны, свиноты непоглаженные. Шухер еще тот...

– Кто их возглавляет? – В памяти Тани тут же всплыло изуродованное взрывом тело Геки, и она почувствовала прилив такой бешеной ненависти, что ей даже стало трудно дышать. – Откуда они взялись на нашу голову?

– Таки-да, за на нашу голову, – тяжело вздохнул Туча. – Никогда столько смертей не было в Одессе. Это страшные люди. Не люди – настоящие дьяволы. Я успел их немного узнать. Слов они не понимают. Говорить с ними вообще никак, убивцы. Они убивают всех подряд и даже говорят, что чем больше крови, тем лучше. А возглавляет... ты не поверишь! Баба!

– Женщина? – удивилась Таня. – Все эти жуткие взрывы устраивает женщина?

– Мадам, не смотрите на меня синим глазом, бо мои нервы протухнут! Да какая там женщина! – махнул рукой Туча. – Баба – и то мягко сказано! Это дьявол, самый настоящий дьявол в юбке! Даже свои называют ее Красной дьяволицей, шо уж зубами скворчать за чужих! Народ базар водит, шо не один год провела на царской каторге. А крови на ее руках больше, чем воды в Черном море. И вот эта дьяволица приехала теперь к нам в Одессу устраивать революционный террор! Ты не поверишь, но боятся ее даже отпетые углаши, которые завсегда были в авторитете. И действительно, есть в ней большое... – тут Туча запнулся. – Как тебе сказать... На бабу она вообще не похожа. Многие за цей шухер говорят, шо она переодетый мужик.

– Ну уж прямо! – усмехнулась Таня.

– А то! Картина маслом! В кожаном пальто, короткостриженная – ну точно – мужик мужиком! И всегда в руке револьвер. Жуть, а не баба! Боятся ее потому, что однажды на сходке, когда сходка была с людьми Японца, она одному вору пулю в лоб залепила за то, что вздумал шутковать до нее. Ничего не сказала, ни единым словом, глазом по-волчачьи сверкнула, як за

фордабычилась, молча так подошла – и выстрелила прямо ему голову. Усё. И вот это жуткое существо сейчас тоже там, подле тюрьмы. – Похоже, после такой длительной речи Туча устал.

– Ты не сказал ее имя. Знаешь его? – Тане действительно было любопытно.

– Свои кличут Красной дьяволицей или Атаманшей Марусей. А зовут ее на самом деле Мария Никифорова. Так она Японцу представилась. Сказала, шо прищандобила за Одессу, шоб устроить красный террор и организовать всех анархистов в городе. Во за как! Взяла разбег с Привоза! Такая организует, усе будем как за куры в ошип!.. На беременную голову!

– Корень тоже там? – Рассказ Тучи нравился Тане все меньше и меньше.

– А то нет? – снова оживился посланец. – И на яки бебехи ему за цей гембель! И все его люди – два адиёта в четыре ряда. Куда он денется? За дурною головою и ноги через рот пропадают! Но Корень уже успел захипишиться с этой дьяволицей! Она хотела, шоб Корень за своими людьми наперед полез, а он до нее и говорит (тут он понизил голос): за вырванные годы здесь не тот фасон. А Японец заступился за Корня. Сказал: здесь или парадок, или как? Мол, не скворчите зубами, мадам, бо юшка простынет. Здесь Одесса, здесь надо ртом до людей говорить. Она хотела из стволов палить. А чего палить, если до Японца человек 50, а к тюрьме из военного гарнизона солдат подтягивают? Положат всех – а там такого не стояло, шоб таки лежать. Японец мозговитый. Он за людей химины куры делать не будет, не тот хипиш. Они сейчас хипишат – мама дорогая, не горюй! – И тут совершенно внезапно Туча замолчал, видимо, запас слов его иссяк. Но, помолчав, он продолжил: – А Корень боится, шо его крайним сделают, забосачат, як за песью морду.

– Надо идти. – Таня решительно поднялась со скамьи. – Отдышался? Пойдем быстро! Надо помогать Корню!

За воротами кладбища, почти на самой дороге, возле тюрьмы, на фонарном столбе, раскачивался повешенный. Труп мужчины с веревкой на шее на фоне белого снежного неба смотрелся страшно. Веревка раскачивалась со скрипом. Труп был свежий, но вокруг него уже начало кружиться воронье. В этом зрелище было что-то настолько жуткое, что Таня остановилась. Этот повешенный был словно символом того кошмара, который здесь творился.

– Что это? – Таня с ужасом смотрела на труп. – Кто это... сделал?

– Палач городской тюрьмы, – сказал Туча, нахмурившись. – Знаешь, сколько он до людей соли под шкуру насыпал? Его Корень велел повесить, а Японец не хипишил. Он как раз на работу в тюрьму шел и напоролся прямо в людей до тюрьмы. Корень как глазанул за его, сразу велел своим людям схватить и подвесить. Люди сделали с радостью – аж пятки сверкали!

Палач городской тюрьмы... Тот самый палач – воспитатель в сиротском приюте... Таня смотрела на багровое, вздувшееся лицо, в котором больше не было человеческих черт. Он действительно заслужил свою страшную смерть, этот мучитель, пришедший прямиком из ада. И руками своих жертв отправившийся обратно – прямиком в ад.

– Ты не смотри за него... – Туча не понимал интереса Тани. Он ничего не знал ни о детстве Корня, ни вообще о детстве.

– Жаль, что его не повесили раньше! – Таня со злостью плюнула на снег. – Будь он проклят!

Возле самых ворот тюрьмы горели костры, и черный дым поднимался клубами в небо. Отделившись от этих костров, ворота тюрьмы осаждали нападавшие. Но их было катастрофически мало, несмотря на то, что они создавали видимость большой массы людей – постоянно перемещаясь, не стоя на месте. На смотровых вышках тюрьмы стояли тюремные охранники и солдаты. Они были похожи на манекенов: застывшие лица, мертвая хватка рук, вцепившихся в оружие... Однако огонь они не открывали.

Таня сразу поняла, почему Японец не идет на штурм. Дело было не только в многочисленности гарнизона тюрьмы, а в том, что охранники с оружием были расставлены идеально. С вышки просматривалось практически все пространство вокруг тюрьмы, сразу со всех сторон,

и стоило охранникам открыть огонь, как с первых же выстрелов они положили бы большую часть людей Японца.

Тем более что и сам Японец представлял собой отличную мишень – он стоял в первых рядах, в своем элегантном котелке, бросающемся в глаза, небрежно размахивая тростью, словно заправский лондонский денди, собравшийся на увеселительную прогулку. Таня в который раз поразилась его странному, немного бесшабашному и удалому мужеству, с которым он словно намеренно бросал вызов смерти.

Японец находился под самым прицелом охранников тюрьмы, выделяясь из всех своих людей. И большая часть оружия тюремной охраны была нацелена на него. И он прекрасно знал об этом. Но почему он так стоял?

Тане поневоле бросилась в глаза напряженность поз тюремных охранников поставленных на смотровых вышках. Они стояли, опустив ружья, было件нятно, что схватить их и применить – это доля секунды. И это чувствовалась по напряженным, застывшим лицам исправных служах, подчинившимся команде начальства.

Но почему они стояли так, почему не открывали огонь? Какая команда заставила их опустить оружие?

Чувствовалось, что обе стороны играют в какую-то свою игру. Таня подумала, что все остальные не имеют ни малейшего понятия о секретных правилах этой игры, в то время как Японец отлично их знает. Потому и застыл он в первых рядах, перед самыми воротами тюрьмы, да еще и явно без оружия.

Только злое, напряженное лицо Японца, которое он уже не имел сил изменить, выдавало ту бурю чувств, которые испытывал он в этот тревожный момент, вступив в непредсказуемый поединок – один на один со смертью.

Их, людей Японца, а также членов других банд, собравшихся под тюрьмой, было человек пятьдесят, не больше. И малочисленность этого странного отряда сразу же бросалась в глаза. К тому же бандиты были абсолютно не организованы: они совершенно не подчинялись командам (да для них и не было никаких команд), расхаживали сами по себе, залихватски обращаясь с оружием – то опуская его, то вскидывая вверх словно для прицела. И большая часть этих пятидесяти явно не понимали, для чего их собрали.

Таня подумала, что еще одна причина, по которой Японец не решается на штурм, это явная расхлябанность его армии. Одно дело налет – там все бандиты действовали четко, слаженно, понимая свою выгоду. Но совсем другое дело операция, подобная этой. В военных условиях бандиты терялись, так как не привыкли действовать слаженно и подчиняться командам. И, по мнению Тани, это была еще одной веской причиной, почему Японец с таким воинством все-таки не решался на штурм.

Туча опасливо держался за ее спиной и не собирался выходить вперед. По его поведению Таня поняла, что он вообще не умеет обращаться с оружием и ужасно его боится (впрочем, усмехнулась она про себя, как и большая часть людей Корня). Таня только подивилась Корню, этому неудачливому, бездарному лидеру, по какой-то глупости притащившего своих безоружных людей сюда, на смерть.

Между тем Корень держался возле Японца. Рядом с Японцем Таня также разглядела Акулу (молодого, но наглого короля с Пересыпи) и Туза – авторитета со Слободки, который совсем недавно нашел общий язык с Японцем. Еще с ними был неизвестный Тане мужчина – среднего роста, коренастый, коротко стриженный, словно после тифа, со злым, угрюмым лицом. Незнакомец явно был недоволен происходящим. В черной кожанке и высоких кирзовых сапогах, он был единственным из мужчин, кто не выпускал из рук оружия. В его левой руке Таня разглядела тяжелый армейский наган.

– Тянут кота за шкуру, – вдруг прокомментировал молчавший до сих пор Туча. – Они ж заслали до тюрьмы посыльного. Японец сказал. Мол, открыть двери тюрьмы и людей всех

до воздуху выкишнуть, бо як пальба начнется, то и кишки за пятку намотать не подможет! Начальство ихнее смекнуло, шо Японец блефует. А Японец знает, шо они за то знают, свиноты ушлые. Вот и тянут резину, шнурки гладят.

– А чего туда Корень полез? – повернулась к нему Таня.

– Да строит из себя фраера! – Туча ударил себя по толстым ляжкам. – Лопни, но держи фасон. Хочет быть не хуже за всех. Но права ему качать здесь не тут...

– Кто этот мужчина рядом с Японцем, с армейским наганом? – прервала его Таня, прищурив глаза.

– Да ты шо? – Казалось, от возмущения Туча выпрыгнет из собственного тела. – Здесь его не стояло! Я ж говорил за то – попростужаешь до шухера глаза! Не мужчина. Баба это! Как дать пить баба, та самая, с дохлым глазом. Мария Никифорова. Она базарит Японца за стрельбу палить до тюрьмы.

Баба?... Таня действительно была потрясена. В этой угрюмой фигуре не было ничего женского, ни одной мягкой, женственной черты, ни теплоты взгляда, ни изящества линий в фигуре. А мужская одежда только придавала сходство с мужчиной – ни за что не отличить! Если бы не слова Тучи, Таня никогда не увидела бы в ней женщину. Внутренне она содрогнулась – что за жуткая судьба, слепившая такое страшное существо, потерявшее само себя?

Громкий шум заставил всех наступавших обернуться в сторону дороги. К тюрьме подъезжал черный громоздкий автомобиль, который страшно ревел и тут же приковал внимание всех бандитов – даже Японца и Красной дьяволицы (от которой Таня все не могла оторвать глаз). Автомобиль остановился посреди дороги. Водитель заглушил мотор. Из машины вышел пожилой мужчина в штатском и подошел к Японцу.

– Кто это? – Таня обернулась к Туче, не рассчитывая на ответ, но на удивление, Туча знал.

– Фраер Завьялов, глава народной милиции. Если уж до сюда приехал, значит, будет тот еще гембель! Японец за всегда до лучшей игры. Уболтал тюрьму открыть.

И действительно: после недолгих переговоров Завьялов вместе с Японцем подошли к воротам тюрьмы. Заинтригованная Таня тоже двинулась, но едва не упала лицом в землю, споткнувшись о валявшийся на дороге камень – они были повсюду. Она больно ударила ногу и стала на месте, с интересом наблюдая за происходящим.

Японец остановился, а Завьялов подошел ближе, постучал в ворота, и, когда они открылись, вошел. К Японцу подскочила Никифорова и принялась что-то быстро говорить, энергично жестикулируя. Но Японец молча отстранил ее рукой.

Ворота тюрьмы распахнулись, выпустив большую группу людей. В толпе бандитов раздались громкие приветственные крики. Таня разглядела знакомое лицо Гарика. Он осунулся, у него был кровоподтек под глазом, но шел он энергично и бодро. Руководство тюрьмы решило не доводить дело до стрельбы и согласилось выпустить заключенных.

Сбоку, чуть поодаль от бывших узников, бодро дышавших счастливым воздухом свободы, шел охранник, которому было велено их сопровождать и одновременно присмотреть за выполнением соглашения. Это был седой пожилой человек с военной выправкой офицера, всю жизнь прослуживший делу правопорядка и за долгие заслуги оставленный на службе. Он не представлял никакой угрозы – тем более что ружье его было за спиной и он просто сопровождал выпущенных из тюрьмы – потому, что так положено по уставу.

Дальше все произошло так быстро, что Таня ничего не смогла бы объяснить. Она увидела, как Никифорова вдруг переложила наган в правую руку и вытянула ее вперед, прицеливаясь... в пожилого охранника. Японец ничего не видел – обрадованный встречей со своими людьми, он был очень доволен собой и по сторонам не смотрел.

Но Таня смотрела. Инстинктом, шестым чувством она вдруг поняла, что Никифорова вот сейчас, на глазах у всех, выстрелит в пожилого охранника, выстрелит потому, что ей просто нужна смерть. Глупость, бессмысленность этой смерти кольнула Таню в самое сердце... И, не

соображая, не понимая, что делает, она нагнулась, схватила с земли камень и изо всех сил запустила в руку Никифоровой, целясь в револьвер.

Выстрел был оглушающим. Вскрикнув от боли, Никифорова выпустила револьвер, пуля ушла в землю. На смотровых вышках переполошились – охранники стали целиться в толпу. Пожилой служака быстро скрылся за воротами тюрьмы. Последних заключенных просто наружу вытолкали, и ворота закрылись.

Одним прыжком Никифорова оказалась возле Тани. Резко, больно схватив ее за волосы, она запрокинула назад ее голову и прямо ко лбу приставила поднятый с земли наган.

– Да я тебе башку прострелю, тварь! Надо же, защищать фараона! – Никифорова взвела курок. Тяжелое, холодное дуло револьвера больно врезалось в кожу.

Это было странно, но Таня не испытывала в тот момент ничего – ни паники, ни страха, ни ненависти. Было только абсолютное равнодушие и некая отстраненность, словно все это происходило не с ней. Словно она наблюдала со стороны черно-белую сцену в иллюзионе, а пленка порвана, и конец затерся, и ей абсолютно неинтересно и все равно, что будет в конце...

Откуда-то со стороны до нее донесся протестующий крик Корня, еще какие-то громкие голоса. Все тонуло в пустоте. Все, кроме Японца, который вдруг оказался рядом с Никифоровой и буквально выбил из ее руки пистолет.

– Мадам, сделайте мне парадокс, бо горло простужаете! Мы так не договаривались – мочить моих людей, – добродушно сказал Японец. – Мадам, вы темпераментны, но это сверх нормы. Унизьте ваши синие глаза!

– Она помешала мне убить фараона! – Глаза Никифоровой метали такие молнии, что они были похожи на раскаленные угли.

– Ты за то сделала? – Брови Японца удивленно поползли вверх, когда он повернулся к Тане. – А зачем?

– Хватит смертей, – вытолкнув, словно выплюнув два этих слова, Таня даже не поняла, почему так хрипло звучит ее голос. Возможно, потому, что не хотела ничего объяснять.

– Она – враг. – Никифорова чеканила слова. – Она не должна быть здесь.

– Ну-ну, мадам, простужаться за цей гембель – як у Ёперный театр за свиным рылом! Какой враг? Це не шмутки, це шара. Просто дамочка глазки за мокрым местом – у нее сердце на двор! Шо заделаешь – женские мелодрамы, – деланно засмеялся Японец и вдруг резко оборвал смех. – А ведь она права. Хотите грошей – не зажимайте себе ноги! Не надо никого мочить. Могли пострадать мои люди. А если за них хоть кто-то... Такого я не прощаю.

Все знали, что Японец слов на ветер не бросает, и вокруг повисла тишина.

– Уходи, – Японец повернулся к Тане. – Мы потом с тобой поговорим. Сейчас уходи. Корень, проводи ее до дому, щоб она по дороге еще не вляпалась.

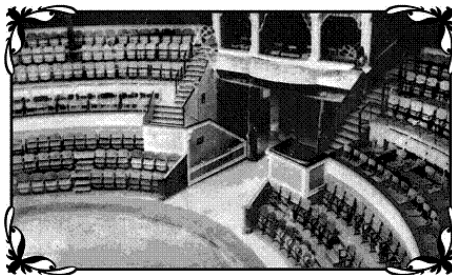
Корень радостно подбежал к Тане – и она прочитала в его глазах серьезную тревогу. Смешной! Он не понимал, что ей все равно – умрет или нет.

Развернувшись, Таня пошла прочь, чувствуя спиной яростные глаза дьяволицы. Было понятно, что в этот момент она нажила смертельного врага.

Но Тане было все равно. Она шла быстро, не чувствуя холода. На фонарных столбах бились свежие афиши, рекламирующие американский цирк «Барнум».

Глава 4

Цирк «Барнума»... почти из Америки. Странное самоубийство старого фокусника. Новый фокусник – месье Иванов

Афиши были развешаны ночью. Яркие, красочные, они заполнили весь город. Они были составлены так мастерски, что привлекали внимание с первого взгляда. На них смеялись добродушные веселые клоуны. Смешные, незлые звери танцевали в балльных платьях. Грозный тигр, выглядевший большим котом, прыгал сквозь пылающий обруч. И среди центральных фигур был фокусник, глотающий острые мечи и живых змей.

Немало детских рук тянули матерей за подол юбки: «Мама, мама, пойдем в цирк!» И немало матерей в час разрухи и смуты отрывали от семьи последнее, чтобы в тяжелые времена порадовать детишек и повести их в цирк.

День был ветреный, пасмурный – в марте в Одессе так бывает часто. И афиши яркими, красочными пятнами трепетали на ветру, рекламируя «сногшибательный, фантастический цирк из Америки “Барнум”».

Конечно, в цирке не было ничего американского. Хозяин труппы специально выдумал иностранное название, чтобы привлечь внимание публики. Труппа состояла из самых разных артистов. Все они носили иностранные имена, но говорили исключительно по-русски. Они были похожи на цыган – такие же пестрые, бездомные, разъезжали по всем городам и дорогам со своим нехитрым скарбом, в который ни полицейские, ни жандармы, ни мятежники, ни гайдамаки, ни бунтующие дезертиры никогда не заглядывали.

Цирковые были веселым и шумным племенем, живущим такой своеобразной жизнью, что никому не приходило в голову воспринимать их всерьез. А потому они без труда проезжали через любую воюющую границу, беспрепятственно получая любой пропуск и по первому требованию комендантского или военного поста демонстрировали свои трюки и нехитрые фокусы.

Яркие повозки цирковых стояли в большом дворе одесского цирка, где в ближайшую субботу должно было состояться первое представление. Несмотря на тяжелые времена, все билеты были раскуплены, и хозяин труппы с удовольствием потирал руки. Расчет привезти труппу в Одессу был правильный – люди устали от войны, от смуты и тяжелого времени и хотели простых развлечений. Они мечтали, чтобы смеялись их дети. А потому цирк приняли на ура, и никому и в голову не приходило задумываться о несколько странном его названии.

Только после того как афиши были напечатаны и расклеены, а все билеты на первое представление раскуплены, кто-то из местных рассказал малограмотному хозяину труппы о том, что означает название американского цирка – ведь его просто привлекло красивое иностранное слово.

Каков же был его шок, когда он узнал, что цирк Барнума получил известность в Америке прежде всего как знаменитый Аттракцион ужасов. И что ужасы были визитной карточкой зрелища, на которое не допускались ни слабые нервные, ни дети.

Но делать что-либо было поздно. И хозяин труппы, впечатлившись рассказом, велел фокуснику в ближайшие дни подготовить какие-нибудь необычные, страшные трюки, чтобы можно было хоть немного попугать публику и как-то оправдать название цирка.

Заинтересовавшись, хозяин труппы даже забрел в публичную библиотеку, где вычитал все о знаменитом аттракционе Барнума, впоследствии прославившемся как цирк Барнума и Бэйли. В представлении выступали не только уроды, но и фокусники, демонстрирующие леденящие кровь фокусы – настоящие ужасы. Причем мало кто умел их разгадать.

Если уродцы Барнума (например, бородатая женщина или человек-собака) были не столь страшны, сколь вызвали любопытство (в журналах даже было написано, что уродцы оказывались достаточно симпатичны при ближайшем знакомстве. И уж зарабатывали они намного больше самого президента Америки!), то фокусы аттракциона ужасов действовали совершенно противоположным образом! Чего только стоил трюк с отрезанием руки, отпиленной головой или ведьмой, сжигаемой заживо! А утопление человека в цепях в цистерне с водой?...

Фокусника, скованного цепями, как заправского каторжника, на веревке опускали в заполненную водой цистерну, из которой он выбирался за считанные доли секунды, причем без цепей! Говорили, что среди фокусников в цирке Барнума были даже смертельные случаи – до того, как они освоили этот фокус. Но в любом случае, это было как раз то, что нужно публике в любые времена, в любой стране мира, за что зрители готовы были платить большие деньги!

В иностранных журналах были даже красочные картинки, и, увидев их, хозяин гастролирующей в Одессе цирковой труппы совсем приуныл. Куда ему до знаменитых зрелищ с его посредственными артистами, подобранными где-то в глубинке, выжившим из ума алкоголиком-фокусником и потрепанным старым львом! Этот жалкий лев был настолько забит и стар, что сам, добровольно, садился на задние лапы. Шкура его была вытерта, вся в проплешинах, а зубы стерты от возраста. И бывший король африканского прайда был больше похож на старого облезлого кота, чем на грозу охотников (как объявляли перед выступлением).

Начитавшись таких статей, хозяин труппы вернулся обратно в цирк и устроил всем своим артистам разнос, велел не только разучить до премьеры новые трюки, но и подправить костюмы – ну хотя бы пришить к ним новые блески. Особенно свиреп он был с фокусником – не только страшно накричал на бедного унылого старика, но и обещал разбить все его бутылки, а также лично передушить всех кроликов, если он снова надумает таскать их из потрепанного цилиндра. Выходя из кабинета, старик-фокусник едва не плакал, а руки его совсем жалко тряслись.

Сам же хозяин труппы был собою доволен: в честолюбивых мечтах он уже вознесся ввысь и решил (для себя) переплюнуть знаменитый цирк Барнума, заставив говорить о себе. Но для этого ему необходим был трюк. И он готов был на что угодно, чтобы добиться этого трюка. И если нужно для дела, он станет не только держать в ежовых рукавицах всех артистов, но и фокусника посадит на безалкогольный паек, совершенно не определенный временем.

К ночи, когда страсти в душе хозяина труппы несколько поутихли, он отправился осматривать свои владения. Весь жалкий скарб цирковой труппы (реквизит и даже жилье артистов) помещался во дворе Одесского цирка, где было так тесно, что ярко разукрашенные фургоны стояли буквально друг на друге. Артисты путешествовали в собственных фургончиках, размаляванных всеми цветами радуги, украшенных лентами, флажками и шарами, с эмблемами знаменитых цирков. Красочный кортеж привлекал внимание на любой дороге. И по пути им даже приходилось давать представления – как настоящим уличным артистам из далекого средневековья.

Впрочем, во времена войны и разрухи таких дорожных представлений становилось все меньше и меньше, и артисты стали выступать в стационарных цирках. Для них, как и для всех, наступили тяжелые времена.

Но это больше не смущало хозяина труппы, решившего создать представление по образцу знаменитого американского цирка. Сжигаемый нетерпением и немного измученный угрызениями совести, хозяин труппы к ночи решил навестить старика-фокусника, чтобы узнать, как у него дела.

Во дворе цирка была страшная теснота. А еще там была постоянная, ничем не перебиваемая вонь, ведь там же, рядом с людьми, содержались клетки с животными и были конюшни. Рядом с клетками стояли кадки с невероятно вонючим кормом для животных, который неизвестно из чего делали работники местного цирка. Несмотря на вонь и отвратительный вид, этот корм стоил дешево, и звери ели его охотно, а потому все гастролирующие труппы покупали его, обеспечивая местным дельцам стабильный заработок.

Сам же хозяин труппы жил не в фургончике, а в комфортабельном номере гостиницы «Франция», забронированном заранее телеграфом. А потому, быстро перемещаясь по двору, лавируя в узких проходах, он с брезгливостью прижимал к лицу надушенный батистовый платок. Циркачи же совсем не замечали ни тесноты, ни вони. Люди обустроивались, как могли. Перед фургончиками разжигали обложенные кирпичами костры, на которых готовилась немудреная еда. На ступеньках играли дети, рядом сушилось белье, и артисты, согнав детишек, репетировали прямо там же, на ступеньках фургонов, которые на долгие годы становились для них единственным домом.

Но в этот поздний час здесь почти не было людей. Двор был безлюден. Дети давно спали, костры были потушены, а сами циркачи забрались внутрь своих убогих жилищ и занимались какими-то своими делами. Фургон фокусника, размазанный пестрыми попугаями и зелеными единорогами, стоял в самой глубине двора. У старика не было семьи, и вот уже долгие годы он ездил один. К старости его единственным другом стала бутылка водки. Но это не мешало ему выступать. Хозяева трупп с радостью приглашали его на работу, так как выступления фокусника были веселые и очень нравились детям. Старик шутил, что будет ездить в своем фургончике до самого конца и так и умрет на цирковой арене. И, несмотря на пристрастие к спиртному, пока не отражающееся на его выступлениях, это было очень похоже на правду.

Удивляясь непривычной ночной тишине двора, хозяин труппы споткнулся об обугленные кирпичи, испачкал золой ботинки, врезался в какую-то оглоблю и чертыхнулся, потирая ушибленное место. Фургон фокусника был уже виден. Из-за его двери пробивался свет.

Стараясь аккуратно лавировать в узких проходах (что было сложно из-за темноты), хозяин труппы вдруг заметил какую-то светлую тень, стоящую на крыльце фокусника. В первый момент ему показалось, что это человек. Но для человеческой фигуры тень была слишком светлой. Более того – она словно колебалась в воздухе, переливаясь каким-то неестественным желтоватым оттенком. Подобного зрелища хозяину труппы еще не приходилось видеть. Он даже остановился, пытаясь присмотреться внимательнее. Тень то исчезала, то появлялась. И тогда ему пришло в голову, что на веревке может просто раскачиваться белая простыня.

Внезапно тень отделилась от крыльца, на мгновение зависнув в воздухе, затем медленно переместилась к стене фургона, в сторону от крыльца. И вдруг... Хозяин труппы сразу почувствовал предательскую струйку ледяного пота, стекающую вдоль позвоночника. Прямо наверху тени, там, где, судя по очертаниям, могла находиться человеческая голова, вдруг загорелись два алых глаза – вернее, не глаза, а раскаленные ярко-алые точки, сразу же осветившие уже сгустившуюся тьму.

В этом было что-то дьявольское, что-то настолько неожиданное и страшное, что на какое-то мгновение хозяин труппы застыл на месте, потеряв дар речи. Он был человеком практичным, неверующим, а потому не стал креститься, как поступил бы любой другой на его месте.

Вместо этого он совершил достаточно разумный поступок – в тот момент, когда пришел в себя от первоначального шока.

Нашупав в кармане спички, он зажег одну, пытаясь немного осветить темноту. В тот же самый момент тень резко метнулась в сторону и исчезла за стенкой фургона фокусника. Дрожащий крошечный огонек осветил пустоту. Догоревшая до конца спичка обожгла пальцы, и хозяин труппы бросил ее на землю. Вокруг по-прежнему не было никого. Ни единой живой души, никто не вышел во двор из ближайших фургонов. Все еще чувствуя страх и какую-то странную растерянность, хозяин труппы медленно пошел к фургону фокусника.

Дверь была приоткрыта, и из-под нее отчетливо пробивался яркий свет. Значит, фокусник не спал – да и с чего ему было спать так рано? «Пьет, наверное», – со злостью подумал хозяин труппы и громко постучал в дверь. Но на свой стук не получил никакого ответа.

«Точно, уже напился», – снова подумал он и значительно громче, требовательнее постучал еще раз. И снова тишина, тягуче разлитая в воздухе, была единственным ответом на стук.

И тут хозяин труппы почувствовал что-то неладное. Он аккуратно открыл дверь и шагнул внутрь. Почти сразу наткнулся на клетку с кроликами – вонючие зверьки сидели, тесно прижавшись друг к другу. Фокусник постоянно использовал их в своих выступлениях и бесчисленно покупал на местных рынках. Очевидно, он только недавно закупил целую партию, потому что зверьков было много, и вонь от них была невыносимой. Кролики закопошились при появлении человека, и хозяин труппы побыстрее прошел мимо клетки.

Он шел в комнату, на свет. Запах внутри фургона был тяжелый, спертый. В нем смешались вонь от животных, алкогольные пары, запах давно не мытого человеческого тела и специфический воздух давно не проветриваемого помещения. В фургоне, к тому же, был страшный беспорядок. Вокруг были навалены вещи – одежда, костюмы, реквизит.

Хозяин труппы шагнул в комнату, которую ярко освещала большая керосиновая лампа, стоящая на столе. Внутри беспорядок казался еще большим. Казалось, по комнате пронесся какой-то вихрь. Все вещи и предметы были разбросаны, валялись на полу. В ужасе от этого зрелища хозяин труппы поднял голову вверх... Из горла его вырвался страшный крик. Этот крик зловеще пронесся в ночной темноте – крик неожиданного, всепоглощающего ужаса.

Фокусник висел в петле, на веревке, прикрепленной к крюку в потолке. Очевидно, он снял с крюка лампу, чтобы прикрепить веревку. Ноги повешенного болтались из стороны в сторону. По деревянным стенам фургона плясали фантастические, страшные тени – как в самом настоящем аттракционе ужасов. Лицо фокусника было совсем белым, словно испачканным яркой белой краской. Оно было искажено ужасом. Рот был раскрыт в невырвавшемся предсмертном крике, а в широко распахнутых глазах застыл страх. Хозяину труппы никогда не доводилось видеть таких жутких лиц, и оно отчетливо врезалось в память. Он даже подумал, что теперь это лицо будет сниться ему в кошмарных снах.

Хозяин труппы стал пятиться назад, спотыкаясь о разбросанные в комнате вещи. Слышать скрип крюка с веревкой и видеть это жуткое белое лицо было невыносимо. Воздуха стало не хватать катастрофически, и, уже не сдерживая себя, хозяин труппы быстро выбежал во двор.

Оказалось, что его громкий крик переполошил цирковых. Возле фургона фокусника стали собираться артисты. Хозяин труппы увидел двух атлетов и семейную пару воздушных гимнастов. Перепуганная гимнастка прижималась к мужу. Постаравшись взять себя в руки, хозяин труппы послал атлетов за полицией.

– Фокусник повесился, – несмотря на усилия воли, голос его дрожал, – он покончил с собой...

Дальше все происходило быстро. Приехавший следователь составил протокол, под которым подписался и хозяин труппы, и вышедшие на шум артисты. Было странно, что фокусник не оставил никакой предсмертной записки. Также странным казался беспорядок в фургоне – то,

что оказались перевернутыми все вещи. Но пожилой следователь, давно уставший от службы в полиции и от множества самоубийств, объяснил это так:

– Люди в таком состоянии вообще не соображают, что делают. Он сам перевернул свои вещи – наверное, веревку искал. А написать записку ему и в голову не пришло. Артисты – они вообще того... Люди импульсивные.

На том и порешили. Труп увезли в анатомический театр. Фургон закрыли. Кроликов пришлось выпустить. Их вытряхнули из клетки прямо во двор, где они застыли без движения, прижимаясь друг к другу, со страхом глядя на непривычную обстановку огромными перепуганными глазами.

Фокусника похоронили на Первом христианском кладбище, и за гробом его шли все артисты цирка. Перепуганные, совсем не веселые, артисты представляли собой невероятно странное зрелище, и город не видел еще таких похорон. Дело в том, что, по старой цирковой традиции, артисты шли за гробом в своих концертных костюмах и гриме. И люди останавливались посмотреть на яркие костюмы циркачей, странно контрастирующие с их печальными, совсем трагичными лицами. Фокусника в труппе любили. Он был веселым и добрым, никому не причинял зла. Артисты искренне оплакивали его, человека, которому совсем была не свойственна творческая зависть.

Потрясенный страшной смертью фокусника, хозяин труппы не мог прийти в себя несколько дней. Он совсем заболел, почти перестал спать ночами. Грустный, жалкий, он шел за гробом, не понимая, на каком находится свете. Его вконец замучили угрызения совести, он считал себя виновным в смерти старика – за то, что давил на него, заставляя придумывать новые трюки. Вот старик и не выдержал пресса... Хозяин труппы изорвал себе в кровь всю душу.

Но похороны прошли. Приближалась премьера. И перед хозяином труппы стала острая необходимость искать другого фокусника, ведь программу нельзя отменить. Он стал подумывать чтобы дать срочное объявление в местной газете.

Ночью того дня, когда хозяин труппы окончательно определился с необходимостью искать замену погибшему артисту, он сидел в своем дорогом номере и подсчитывал предполагаемые убытки – на случай, если никого не найдет. Все билеты на первые представления были распроданы – но это только потому, что, как уже говорилось, хозяин труппы имел неосторожность объявить свой цирк «Американским цирком “Барнума”». Когда же публика после первых представлений разберется в том, что никакого аттракциона ужасов нет и в помине, что их попросту надули... Страшно даже представить, что будет потом!

Жуткие мысли о провале лезли в голову. И хозяин труппы, скорчившись, сидел над листком бумаги, выводил ненавистные цифры своей будущей катастрофы.

Стук в дверь раздался неожиданно и громом прозвучал в тишине. Вообще-то это был не стук, скорее, тихий скрежет. Но нервы хозяина труппы были настолько напряжены, что для него это был настоящий грохот.

– Кто там? – зычным голосом крикнул он. Когда же не последовало никакого ответа, встал и открыл дверь. На коврике перед дверью лежал листок бумаги. Сам же гостиничный коридор был пуст. Перепугавшись тишины в таком же пустом коридоре, хозяин цирка захлопнул дверь.

На листке дешевой почтовой бумаги черными печатными буквами было написано следующее: «Если вы хотите изменить свое будущее, постучите в дверь фургона фокусника сегодня в полночь».

Хозяина цирка охватил озноб. Слишком уж страшны были воспоминания о фургоне, о теле, висящем под потолком. «Что за чушь! – Он скомкал листок и со злостью швырнул в пламя камина. – Чей-то дурацкий розыгрыш...»

Но едва время стало приближаться к полуночи, ему все больше и больше хотелось пойти. Он говорил себе, что ничего не теряет, надо бы посмотреть... И в половине двенадцатого, не

выдержав, покинул номер. Он быстро зашагал по направлению к цирку, сжимая в кармане пальто рукоятку револьвера – на всякий случай.

Ворота во двор цирка не запирались. Внутри же, как и в эту страшную ночь, стояла мертвая тишина. Артисты давно спали. Спали даже животные. Хозяин труппы шел очень осторожно, стараясь лавировать в темноте.

Из фургона фокусника уже успели вывезти вещи. Хозяин труппы специально заплатил двум подсобным местным рабочим, чтобы те освободили фургон. Они забрали все, даже старый реквизит. Старый же фургон остался стоять во дворе – либо как пристанище для нового фокусника, либо как ненужный реквизит, который всегда можно сбыть с рук, когда закончится гастроль.

В конюшне, расположенной тут же, во дворе, тревожно заржали лошади, словно беспокоясь о чем-то, и хозяин труппы вздрогнул от неожиданности, как от удара. По спине его заструился ледяной пот – из-под двери фургона фокусника пробивался свет. Крепко сжимая в кармане рукоятку револьвера, хозяин направился туда.

Дым стлался по полу, сбиваясь в клочья самого настоящего тумана. Внутри фургона была пустота. Но на страшном крюке под потолком висела тусклая керосиновая лампа. Раскачиваясь от сквозняка, она бросала на стены причудливые тени. И казалось, что в комнате движутся какие-то призраки, заполняя все помещение.

Посередине стояла черная металлическая клетка, внутри которой, вся скованная цепями, застыла человеческая фигура. Это был молодой мужчина в черной одежде. Длинные темные волосы спадали на его лицо. Скованные кандалами руки были прикреплены к потолку клетки, а все тело обмотано цепями. Мужчина застыл неподвижно, не подавая признаков жизни, а вокруг клочьями стлался густой белый дым.

Выпустив из рук заветную рукоятку револьвера, хозяин цирковой труппы задрожал так, что едва не потерял сознание. Ужас накатывал на него волнами, душил, как живое человеческое существо, багровым туманом застилал глаза. Он попытался что-то сказать, но вместо слов у него вырвалось дурацкое нечленораздельное мычание. Он хотел закричать – но вместо крика у него вырвался хрип.

Дрожа, он стал отступать назад. В этот момент раздался оглушительный взрыв – прямо тут, в комнате фургона. И по стенам заплясали огненные языки пламени, в которых исчезла страшная клетка. Хозяин бросился к двери... Но путь ему перегородил молодой мужчина, в котором хозяин труппы узнал того самого человека, который только что был в клетке.

– Да погодите вы!... – Мужчина схватил его за руку. – Простите, что напугал.

– Пожар... Огонь... – Хозяин труппы лепетал что-то, весь дрожа, чувствуя себя так, словно переживал свой самый страшный кошмар. От ужаса даже разболелось все его тело – так, словно его избили палками. Подобного состояния он не испытывал еще никогда в жизни.

– Успокойтесь, нет никакого пожара! Это всего лишь мой фокус. Оглянитесь. – Мужчина говорил спокойно, даже весело, и это вдруг подействовало на хозяина труппы самым успокаивающим образом. Подчиняясь этому бодрому голосу, он обернулся.

И действительно: никакого пожара в комнате не было. Исчезли и языки пламени, и туман. На дощатом полу в пустом помещении стояла только металлическая клетка с цепями. Кандалы в потолке клетки были расстегнуты, а цепи лежали внизу.

– Кто вы такой? – Хозяин труппы обернулся у мужчине, но тот, словно пытаясь скрыть свое лицо, намеренно отступил в тень.

– Ваш новый фокусник. Я слышал, что у вас вакантное место. Надеюсь, вы возьмете меня в свою труппу?

– Да, но... Я просто потрясен... Как вы это сделали?

– Позвольте мне не выдавать своих собственных секретов. Все, что вы видели, – всего лишь фокус. У меня много таких.

– Признаюсь, я поражен. Я никогда не видел ничего подобного, – голос хозяина дрожал.
– Не сомневаюсь, – улыбнулся незнакомец. – Я готов работать в вашем цирке. Вам ведь нужен новый фокусник. Это я.

– Как вы узнали?

– Слухами земля полнится. О том, что произошло, рассказали добрые люди. Простите, если вас напугал. Просто мне хотелось вам продемонстрировать себя в лучшем виде.

– И вы это сделали. Но откуда вы взялись?

– Отовсюду понемногу. Я работал в Америке, в цирке Барнума и Бэйли. Я знаю, чем поразить публику. Я знаю, что ей нужно, и как заставить публику дрожать от восторга и ужаса и ломиться на представления. Вы не пожалеете, что наймете меня.

– Хорошо. Считайте, что вы в труппе. Завтра утром составим контракт. Вы можете использовать этот фургон, если хотите.

– Отлично. Как видите, я уже занес сюда свой реквизит.

– Но мне нужно знать ваше имя. Как ваша фамилия?

– Я выступаю под псевдонимом. Я укажу его в контракте. Моя фамилия слишком простая... Иванов.

– Прекрасно... месье Иванов.

Хозяин труппы попытался разглядеть лицо нового фокусника, тонувшее в полумраке. Во внешности его не было ничего примечательного, если не считать какой-то странной, болезненной бледности, с ходу бросающейся в глаза. Несмотря на то что все уладилось самым лучшим образом, хозяин труппы совсем не испытывал радости. Он все еще не пришел в себя от пережитого ужаса. А от нового фокусника у него был мороз по коже. Он стал бояться его до полу-смерти, но ни за что бы не признался в этом. Это был какой-то потаенный, глубинный, словно позорящий его страх.

Глава 5

Встреча с подругами на Молдаванке. Катя собирается замуж. Разговор на Слободке, страх Никифоровой. Встреча с Корнем, его поручение

Снег стал таять, оставляя сырой туман в воздухе. Появился холодный, пронизывающий ветер ледяной одесской весны. Предвестником будущей летней жары всегда приходил этот сырой холод с ветрами. Ветер, самый настоящий, разбушевавшийся норд-ост, валил с ног, заставляя прохожих держаться за стены домов. На море разыгрался шторм. Непогода не была неожиданной неприятностью – весной, после снега, бывало и не такое. Черные вздыбившиеся валы свирепой морской воды уничтожили немало рыбацких лодок и больших кораблей.

В городе же постоянно была грязь, неспособная высохнуть из-за вечной сырости. Там, где тротуары и мостовые были вымощены камнями (а было это, в основном, в центральной, богатой части города), еще можно было более-менее нормально ходить. По мощеным мостовым даже ездили экипажи и (все еще редкость в городе) настоящие автомобили, а копыта лошадей не разезжались в намокшем, грязном снегу. Но на Молдаванке и в других бедняцких предместьях почти по щиколотку стояла непролазная, размокшая грязь. Давно привыкнув к этой грязи, местные жители легко находили дорогу домой, лавируя в узких лабиринтах дворов.

Нацепив на ботинки резиновые калоши, Таня шлепала по привычной грязи Молдаванки, где прожила не один год. Руки ее были заняты тяжелым грузом. В одной была сумка с продуктами, в другой – сладости одной из лучших кондитерских в городе. Таня шла навестить своих бывших подруг. Она с радостью и каким-то особым нетерпением ждала визита в свой старый двор, в котором, вместе с бабушкой, провела свои самые незабываемые годы. Впрочем, ей просто хотелось куда-нибудь выйти, ведь неделю за неделей Таня чувствовала страшное, просто давящее одиночество.

Делать ей было нечего. И Корень, и Японец были заняты своими делами, которые, похоже, были намного важнее, чем ее жизнь. Однажды она попыталась встретиться с Японцем, сама пошла в кафе «Фанкони». Но столкнулась с ним и его охраной только в дверях. Он очень спешил. Лицо его было напряженным, серьезным. На ходу он крикнул, что обязательно пошлет за ней, так как у него к Тане есть важный разговор. И чтобы она ждала от него вести, так как он придумал для нее кое-что интересное.

Но прошло вот уже восемь дней, а за ней никто не посылал. Либо Японец забыл об этом разговоре, либо ему было попросту не до нее. Могло быть и так, и так. Тане же оставалось только ждать. А ждать было невыносимо скучно.

Однажды Таня встретила на Дерибасовской Иду. Та страшно обрадовалась встрече и позвала ее в гости, пообещав собрать всех Таниных подруг. И вот Таня, нагружившись покупками, с радостью шла в гости на Молдаванку, шлепая по привычной жидкой грязи.

Лиза же наотрез отказалась идти.

– На яки бебехи мне за цей гембель? Не хочу туда идти. Ни за что не пойду! Не хочу вспоминать! Все для меня там было страшно, как тошнота на нервах! Как вспомню – мороз по коже. Не за жизнь, кошмар...

Таня понимала ее. Возможно, она бы чувствовала то же самое, если б так же, как Лиза, выходила когда-то на Дерибасовскую. Но жизнь тогда приготовила Тане другое. И, порядком настрадавшись, Таня вдруг почувствовала тоску по прошлому – по комнатухе, где жила вдвоем с бабушкой, по Геке, ждавшему ее на углу...

Встретили ее прекрасно! В своей комнате Софа накрыла просто шикарный стол – Таня даже не поверила своим глазам! Здесь было все великолепие старой одесской кухни, и Таня была вынуждена признать, что нигде не ела фаршированной рыбы лучше, чем в своем старом дворе. Стол ломился от рыбы-фиш, биточков из тюльки, грибов по-гречески в сметанном соусе, жареных цыплят, свежих мидий, политых лимонным соком, цимеса из белой фасоли и форшмака, который просто таял во рту. Для него Софа умудрилась даже раздобыть в марте настоящую дунайскую селедку, и Таня была вынуждена признать, что никто, ни в одном из самых дорогих ресторанов на Дерибасовской не приготовит лучший форшмак.

Тут же была уже привычная Тане армия котов. Развалившись где только можно, объевшиеся коты уже не могли смотреть на рыбные и куриные кости, успев насытиться, когда Софа готовила торжество.

Лакомясь любимыми блюдами, Таня слушала все местные новости. В комнате, где когда-то она жила с бабушкой, поселилась новая семья. Бывшие крестьяне, муж с женой, сразу устроились на кожевенную фабрику, сына их зарезали в потасовке на Балковской, а две дочери уже ходили на Дерибасовскую – так же, как и все остальные жительницы бедных предместий портового города, которым не исполнилось 20 лет.

В основном, все было по-старому. Танины подруги все так же были на Дерибасовской – за исключением двух. Из всех собравшихся у Софы повезло только двум.

В заведении, где работала Ада, умерла хозяйка, толстая Берта, и Ада, неожиданно для себя, заняла ее место. До того Берта уже назначила ее экономкой, и Ада весьма успешно справлялась с этим. Ей даже удалось сколотить кое-какой капитал. Когда же Берта умерла, Ада попросту выкупила ее долю. Оказалось, что у дома был еще один владелец – он жил в Киеве и совершенно не занимался делами заведения. Поэтому и продал долю Берты дешево. Выкупив эту долю, Ада стала совладелицей дома и усиленно занималась делами. Ей удалось поднять заведение даже на ступень выше. И теперь она старательно собирала деньги, намереваясь купить и вторую долю дома, чтобы владеть им целиком.

Второй же избранницей судьбы стала Катя – и, увидев ее, Таня не поверила своим глазам! Катя пополнела, похорошела, щеки ее налились румянцем, а глаза – блеском и ярким огнем. На ней было модное платье, и она ничем не напоминала бывшую уличную девушку с Дерибасовской. Увидев Таню, Катя бросилась ей на шею.

– Представляешь, я больше не уличная! Я до замужа выхожу! Буду делать манеру, щоб от зависти все куры задохли!

И быстро, сбивчиво рассказала свою нехитрую историю любви. Он был ее клиентом – заезжий торговец, приехавший в Одессу по делам. По словам Кати, в Екатеринославе у него был свой стеклянный завод. Торговец стеклом влюбился, забрал Катю с улицы на содержание, а потом сделал предложение. После свадьбы Катя должна была уехать с ним.

– Свадьба через неделю! – Катя вся сияла. – Взяла разбег с Привоза, ан нет, за шухер на самом деле! Обещай, что ты обязательно до нас придешь! Ты должна прийти! Я очень хочу тебя за него познакомить! Ты увидишь, шо он не за швицер, не за коня в пальте!

Таня не сомневалась ни секунды, что Катя будет очень хорошей женой. Ни одна из девушек не была проституткой по натуре. На горькую уличную стезю их против воли толкнула жестокая жизнь. И если судьба давала им хоть один шанс измениться к лучшему, они цепля-

лись за него когтями и зубами, стремясь вырваться из трясины, из грязи. Кате удалось изменить свою жизнь к лучшему, и Таня была бесконечно счастлива за нее.

Сама же Таня весьма скупно говорила о своих делах. Упомянула только, что она – среди людей Японца. Это выслушали молча, с почтением. Здесь Таня могла не стыдиться своего криминального прошлого и настоящего. Здесь она была среди своих.

Веселье затянулось до ночи. Провожать Таню вышел весь двор. И долго еще она прощалась с подругами, обещая заходить при первой же возможности. И ушла с Молдаванки почему-то со слезами на глазах.

Дорога шла под откос. Автомобиль остановился до обрыва, притормозив возле груды камней. Двигатель заглушили, потушили огни. Где-то поблизости громко залаяла собака. Звякнула цепь. Пьяный голос раздраженно прикрикнул на собаку, ругаясь, велел замолчать.

Ночь была беспросветной, совсем темной. Даже луна скрылась за грядой густых облаков. Узкие, покосившиеся жилые дома начинались сразу под обрывом. Место же, где остановился автомобиль, было достаточно далеко от остального жилья.

Ночная Слободка жила своей собственной жизнью. Этот район был еще более бедняцкий и запущенный, чем Молдаванка. Покосившиеся дома бедноты лепились по обоим краям от железной дороги, представляя здесь единственную артерию жизни. Но, в отличие от Молдаванки, здесь не останавливались поезда. Это был район складов и всевозможных тайных артелей, занимающихся, в основном, переработкой полученной контрабанды и воровского товара.

Местность на Слободке была гнилой. Близость лимана и грунтовых вод создала тухлые болотца, поросшие камышом, – так называемые ставки, которые не были ни рекой, ни прудом, ни озером, ни даже болотом. Не было никакого определения под эту гнилую местность, где мягкая, словно прогнившая почва затрудняла любую застройку. А в воздухе постоянно стоял специфический запах ила и тины. Оттого и многие огороды часто зарастали камышом.

На Слободке жили одни босяки, которые, в отличие от обитателей Молдаванки, занимали самую низшую ступень в криминальном мире. Оборванные, вечно голодные стаи попрошаек любого возраста наводнили окрестности, нападая на более благополучных обитателей районов, граничащих со Слободкой. И даже не брезговали тем, чтобы у рабочих с окрестных заводов и фабрик отбирать их жалкие заработанные гроши.

Плохим местом была Слободка, которую называли Слободка-Романовка – из-за расположенного в округе сумасшедшего дома, страшного места скорби, которое было намного хуже городской тюрьмы.

Несколько минут автомобиль с потушенными огнями, не издававший никаких звуков, словно пытался вписаться в мрачный окружающий ландшафт. Затем из автомобиля вышли четверо вооруженных людей, которые тут же стали осматриваться по сторонам.

– Направо! – резко скомандовал грубый голос, и вооруженные люди пошли к одинокой глинобитной хижине, застывшей на самом краю обрыва. В единственном покосившемся окне этого убогого дома не было никакого света. Вокруг хижины не было даже забора – настолько запущенным выглядело это место.

– Один возле входа, двое по сторонам от окна, – скомандовал тот же голос, – оружие наготове. Стрелять без предупреждения.

Подчиняясь приказу, люди заняли свои позиции. Командир – человек среднего роста в фуражке, надвинутой на лицо, переложил наган из левой руки в правую, затем без стука вошел в дверь.

Внутри хижины было темно. Дверь тут же с громким стуком захлопнулась. Человек остановился на пороге, всматриваясь в темноту.

– Не вздумай зажигать свет, – неожиданно раздался голос, и человек, стоящий на пороге, вздрогнул. Снял фуражку, тряхнул коротко стриженными волосами. В темноте появилось женское лицо атамани Маруси – Марии Никифоровой. Она напряженно сжимала в руке тяжелый армейский наган.

– Ничего не разглядеть, – произнесла она. Голос ее прозвучал хрипло. При этом она не двинулась с места.

– А тебе тут и нечего видеть, – насмешливо отозвался голос, – пройди несколько шагов вперед – там стул. Ты можешь сесть. В ногах правды нет.

– Мне удобно и так. – Никифорова пожала в темноте плечами.

– Как хочешь. Ты подвела меня. Ты сорвала мой план. – Голос зло чеканил слова.

– В этом не моя вина! – Протестуя, Никифорова энергично, с возмущением тряхнула головой. – Я не одна отвечала за это! Ситуация сложилась так, что...

– Ничего не хочу слышать. Тебе было поручено раскачать обстановку в городе.

– Я занимаюсь этим, – Никифорова пыталась оправдаться.

– И спровоцировать во время нападения на тюрьму как можно больше жертв! Что же мы имеем в результате? Король Одессы – Японец, который как хочет вертит обстановкой в городе. Подготовка восстания даже не на минимальном уровне – она попросту заморожена, нет никаких результатов. А вместо кровавого террора новой власти во время нападения на тюрьму все благословляют новых городских начальников, которые без всякого побоища открыли двери тюрьмы и выпустили часть заключенных, и Японца, а тот не допустил жертв! Задание провалено! И это я должен доложить в центр? Ради этого ты была отправлена в Одессу? – В голосе звучала злость.

– Я признаю все это. Но тюрьма – не моя вина, – оправдывалась Никифорова.

– А чья? Ты что, не могла пристрелить хотя бы одного охранника, чтобы заставить власти открыть огонь?

– Мне помешали. – Никифорова опустила глаза.

– Это не оправдание! Я специально ходатайствовал перед центром об отправке в Одессу лучшего агента. Лучшего! Ты была такой. Но не сейчас.

– Я исправлю ситуацию. – Голос Никифорой дрогнул.

– Неужели? А что с оружием для восстания?

– Оружия нет, – произнесла она почти шепотом.

– Почему же? – В голосе незнакомца снова зазвучала злость.

Никифорова лихорадочно заговорила:

– У нас нет денег. Не хватает средств для приобретения оружия и взрывчатых веществ. Срочно необходим серьезный источник финансов. Налеты в руках Японца, денег они не приносят...

– Ты сама понимаешь, что говоришь? Ты расписываешься в своем бессилии? – В этот раз кроме злости в голосе ясно чувствовалась угроза.

– Я просто описываю обстановку в городе – так, как есть. – Никифорова явно испугалась.

– Тогда твоя задача – перессорить всех этих уголовников, нарушить их ряды, сделать так, чтобы они нападали в первую очередь друг на друга, а не только на новую власть. Для этого, кстати, я и позвал тебя сюда. У Слободки достаточно потенциала для того, чтобы составить конкуренцию Молдаванке. Если натравить Слободку на Молдаванку и заставить их воевать, авторитет Японца серьезно пошатнется. Думай об этом. А насчет денег... У меня есть план. И я тебе о нем расскажу. Если ты все правильно исполнишь, этим искупишь свою вину. И учти: второго провала я не потерплю! Я позвал тебя в Одессу не ради провалов. Я уничтожу тебя, если ты снова сделаешь что-то не так. – Голос наконец умолк, но было ясно, что прозвучавшие слова – не пустой звук.

– Призрак, я... – Никифорова, помимо своей воли, задрожала.

– Не смей называть мое имя! – гроыхнул голос. – Ты не просто глупа – ты даже не научилась держать язык за зубами! Как ты смеешь называть мое имя, если и у стен есть уши? Я разочарован. Раньше ты казалась мне непобедимой, но сейчас...

– Я исправлю все это, – теперь у Никифоровой стучали даже зубы.

– Не сомневаюсь. Если не исправишь – ты прекрасно знаешь, что произойдет. И еще: когда будет налажен источник финансирования, ты лично займешься оружием. Возможно, мы попробуем достать его через Японца, чтобы скомпрометировать, – я еще подумаю об этом. А сейчас – ты поняла, что необходимо сделать в первую очередь? – потребовал ответа голос.

– Поняла. Я справлюсь. Как мы будем держать связь? – почти прошептала Никифорова.

– Как прежде. Когда ты понадобишься, я сам выйду на тебя. И еще: надеюсь, ты уберешь тех, кто помешал тебе пристрелить охранника возле тюрьмы?

– Ты это видел? Ты там был? – удивилась Никифорова.

– Я там был. И я видел твой позор. Спасовать перед паршивой девчонкой... – Голос откровенно смеялся над ней.

– Это все Японец! Его вина! – От обидного обвинения Никифорова забыла свой страх.

– Нет, твоя. У тебя было достаточно времени, чтобы прострелить девчонке голову, но ты этого не сделала. – Казалось, Призрак издевается над ней – все больше и больше.

– Я это сделаю... Обещаю... – От ярости Никифоровой не хватало слов.

– Надеюсь. Мне не хотелось бы думать о тебе плохо. Ты должна все исправить. – Теперь голос звучал спокойнее, словно давал ей шанс.

– Ты пока будешь в городе?

– Я в городе, – он усмехнулся, – и наблюдаю за тобой. Я там, где ты меньше всего меня ждешь. Ты никогда не узнаешь, кто я и где. Но запомни: нет ни одного твоего шага, о котором бы я не знал. – Услышав это, Никифорова снова стала дрожать. – Нет ни одной твоей мысли, которой я бы не смог прочитать. А пока уходи. И подумай об этом.

Темнота скрывала лицо женщины. Тем более ее горящие глаза. Слышно было только тяжелое дыхание – слова Призрака задела Никифорову за живое. Время шло. Она продолжала стоять. Глаза ее постепенно привыкли к темноте. Стал отчетливо виден находящийся посередине стол, по краям – две массивные, грубые табуретки. И противоположная стена комнаты, тонувшая в густой темноте. Даже самые зоркие глаза ничего не могли разглядеть дальше.

Внезапно Никифорова быстро вскинула руку с наганом и выстрелила – раз, другой, третий... Грохот выстрелов разорвал тишину. Было слышно, как пули вошли в стену. Звук падающих гильз нельзя было спутать ни с чем. Дверь распахнулась. На пороге возникли спутники Никифоровой. В раздражении она крикнула им:

– Убирайтесь вон! Вон отсюда!

Привыкнув подчиняться, они исчезли так же быстро, как и вошли. В воздухе громко, всю мощь, зазвучал издевательский хохот. Громкий дьявольский смех, смех самого Сатаны, издевающегося над миром, над собой.

– Я в тебе не ошибся! – продолжая смеяться, вдруг отчетливо произнес голос. – Ты поступила именно так, как я и ожидал.

Дальше произошло то, чему никогда в жизни не поверили бы сотоварищи дьяволицы Никифоровой. И, уж конечно, никогда не увидели бы собственными глазами. Эта минутная слабость и произошла потому, что ее никто не видел.

Быстро сунув наган в карман кожаного пальто, Никифорова развернулась и почти бегом бросилась к выходу. Лицо ее полностью скрывала темнота, но если бы ее сейчас кто-нибудь увидел, то понял бы, что ее одолевает единственное чувство: животный ужас. На лице Никифоровой дикой гримасой застыл страх. Самый настоящий, отчетливый страх, сделавший ее абсолютно беззащитной.

Дверь Тане открыла Лиза – быстро, словно все время ждала ее на пороге. Нахмурилась, увидев счастливо лицо подруги. Лиза не одобряла ее похода на Молдаванку и не собиралась этого скрывать. Таня, весело смеясь, обняла Лизу за плечи, но та отстранилась и нахмурилась еще больше:

– Тебя искал Корень. Шухер грандиозный. Ты должна пойти до него.

– Куда я пойду? – удивилась Таня. – На часах одиннадцать ночи! Да меня убьют по дороге к Корню!

– А он не сказал идти до него за Молдаванку. Корень ждет тебя в пивнушке на Садовой. Это почти за углом. Дойдешь. Бери ноги в руки – и картина маслом! Пока ты шляешься по всяким помойкам, как кусок швицера, Корень, похоже, решил предложить тебе за дело. – Лиза и не пыталась скрыть раздражение.

– Я не пойду. Я устала. Спать хочу. Завтра найду Корня, – зевнула Таня.

– Да у тебя, похоже, уши за тухес намотались! – крикнула Лиза. – Не слышишь за свои же уши! Совсем до чертиков обпились – тот еще фасон! Корень сказал, что ждет тебя сегодня в пивнушке, и ждать будет до трех часов ночи! Шоб ты ноги в руки – и дуй до туда! Срочное что-то, важное. Це не якись бебехи с Молдаванки, це вещи засерьезнее любого шухера побудут! Даже за mine не сказал. – В всегда кротком голосе Лизы странно было слышать раздражение и злость.

– Если Корень думает, что я буду и дальше работать так, как было с Гекой, то пошел он куда подальше! – не сдавалась Таня.

– Нет, ты можешь куда хочешь послать Корня, особенно за сейчас, когда у нас закончились деньги. Те деньги, шо ты собрала за Геку... А до сколько было месяцев назад?

– Быть того не может! – удивилась Таня.

– Может. Ничего не осталось. Ну, почти за ничего. Полный дрэк. Мыши зубами по полкам шкрябаются. За всех денег осталось 10 рублёв. А за это не жисть.

Таня задумалась. Положение действительно было серьезным. Она привыкла жить, погружаясь полностью в свои мысли, не удосуживаясь думать о деньгах. Лиза очень хорошо вела их скромное хозяйство, и Таня почему-то решила, что так будет всегда. А ведь трат действительно было много. Деньги вылетали просто как ветер. Аренда за дорогую квартиру, наряды Тани, хорошая еда, похороны бабушки... А до похорон – сиделка. Если так пойдет дальше – в смысле, останется всего 10 рублей, то и за квартиру нечем будет платить. Не хватало только, чтобы их выставили на улицу – из квартиры, где умерла бабушка!

Хмурясь, Таня поплотней запахнулась в теплый пуховый платок – с Корнем красота была ни к чему.

– Ладно, я пойду. Я как-то не думала, что у нас больше нет денег. Постараюсь добыть.

В пивнушке в подвале на Садовой было тепло до вони и, несмотря на поздний час, достаточно много людей. Появление Тани прошло незамеченным. В пуховом платке она не выглядела соблазнительной элегантной красавицей. А в пивнушке было достаточно уличных девушек с Дерибасовской – ярких, нарядных и гораздо более желанных в своих открытых нарядах, чем Таня в пуховом платке.

Корень ждал ее в отдельной комнате, где стоял бильярдный стол. Когда Таня появилась, он резался на бильярде с двумя приятелями. Тут же в уголке примостился и Туча. При свете сальной свечки он чертил на бумаге колонки каких-то цифр.

– Народ, погуляйте! – Корень быстренько выдворил всех, даже Тучу, и запер на ключ ветхую дверь.

– Зачем звал? – Таня сразу приступила к делу – она страшно устала и хотела спать.

– Тут такое... Словом, за работу одну намечается.

– Корень, давай договоримся сразу! Если ты думаешь, что с кем-то другим я буду работать так, как было с Гекой, то с этим покончено. Я на это больше не пойду никогда.

– Да и за мысли у меня такого не было! Здесь или парадокс, или как? Никто не станет работать с тобой за наших. Они тупые, как два адиёта в четыре ряда, все испортят. Геки второго нет. Тут за другое дело. Гека за тебя рассказывал. Налет.

– Что? Налет? – От удивления глаза Тани широко распахнулись. Она ожидала чего угодно, но только не этого. Да, Корню удалось ее удивить.

Он заговорил быстро, словно пытаясь выговориться, и Таня не собиралась его перебивать. Скверные дела настали в городе. Японец со своими людьми совсем озверел. Требуется платить проценты, даже если никаких дел не было. А у Корня уже давно удачных дел не было, люди его недовольны. Кто-то пожаловался Японцу, что лучше бы над ними был кто-то другой, не Корень. Мол, народ жирует, гуляет всюду, работы непочатый край, а они без дела сидят. Японец вызвал Корня и сказал, что поручает ему налет. Надо взять один ювелирный, куда на днях пришла неплохая партия контрабандных рубинов. Пусть Корень со своими людьми этим займется. И добыча хорошая, и люди перестанут ворчать.

Все бы ничего – дело легкое, привычное, только вот почуял Корень подвох. Запала ему в душу мысль, что кто-то хочет его подставить – к примеру, засаду устроить в том ювелирном или обобрать его до Корня, чтобы Корень со своими людьми в пустой магазин пришел. Японец, конечно, ни при чем, его дело – навести, а дальше его, Корня, работа. Опозориться в очередной раз он не может. А душа беспокойна, чует подвох. Вот он и вспомнил про Таню, что ему Гека рассказывал.

– Я-то тут при чем? – Удивление Тани было искренним. Она давно уже не помнила многое из того, что было с Гекой. Намеренно вычеркивала из памяти. В последнее время это даже стало у нее получаться.

– Ну да как же... А ломбард? Когда ты в ломбард пошла и разговорилась служанку, шо ломбард пустой, его только с неделю как брал Сало. А мы не знали, и полезли его брать... Позору было – страшно вспомнить! За дурною головою ноги через рот пропадают. Облапошились, как халабуды на тухесе. Так и за теперь может быть.

– Что ты от меня-то хочешь? – Таня уже догадалась, но хотела, чтобы Корень сказал сам.

– Хочу, чтобы ты сходила до туда, и выяснила, нет ли какого подвоха. Либо как служанка, либо как дама – тебе решать. Тебя в нашем мире мало кто знает. А среди зажиточных людей – тем более. Как оденешься – ну, совсем дама! Лопни, но держи фасон! Сходи, языком раскинь и выясни, в чем засада. Может, уже брал этот ювелирный кто, а мы явимся – здрасьте наше вам с кисточкой, точно свиноты оцинкованные. Или никаких рубинов там нет. Или они платят за охрану, и по ночам там охранник зубами скворчит... Сходи, а? А как узнаешь, получишь свою часть, – просил Корень.

– Ладно, я все поняла. Сделаю, но у меня есть одно условие. И без него – никак.

– Шоб ты была мне здорова! Что за условие? Если ты насчет денег, то не бойся, не обижу. Свою долю получишь, как все. Что я, не понимаю или как? – Корень даже рукой махнул.

– Не в деньгах дело. С деньгами я тебе доверяю. Дело в другом... Я с вами пойду.

– Ты до чего сказала? Где ты пойдешь? – В голосе Корня звучало удивление.

– То, что слышал! В налет. Когда ювелирный пойдете брать, и я с вами пойду. Это будет тебе гарантией, что я все точно узнала. Корень, я серьезно. Я так хочу.

– Вот тебе и раз! Шоб ты так жила, как я на это смеялся! Да зачем это тебе? Ты же и стрелять не умеешь! А если полиция? А если начнется стрельба? А если ювелир этот потом твои приметы опишет и ты в картотеку попадешь? Качать права тебе, деточка, здесь не тут. Налет – це не шара, це за тот еще гембель.

– Корень, ты забываешь, что мои приметы уже есть в полиции. И с хипишем я рисковала не меньше – вся ведь работа была на мне. А если бы клиент раскусил и в меня выстрелил, как тогда? Не бойся за меня. Лучше возьми с собой, как я говорю. Надо мне это, Корень. Очень

надо. Скучно мне жить. Нужно ведь что-то делать. А в налете я тебе буду полезной. Пока твои люди станут держать ювелира на пушке, я могу рубины собрать.

– Шо-то мне не нравятся твои намерения... – Корень с подозрением смотрел на Таню. – Ты шо, круче всех на ушах стать хочешь? А труса запразднуешь, тогда до как? – хмурился он.

– Бог с тобой! – возмутилась Таня. – Когда я трусила? Бери, не пожалеешь!

– Ой, деточка, эти слова не могут выйти из мой рот! Ну да ладно. Договорились. Об руками ударили. Ты с нами идешь. Но учти: если шо не так, сама за себя будешь делать базар. Сама и простужаешься за цей гембель. Идет?

– Идет. А теперь говори, где ювелирный, – довольно усмехнулась Таня.

– До Слободки. – Корень назвал адрес.

– Где-где? Ювелирный?! – Таня не поверила своим ушам, ведь, как известно, Слободка была еще худшим районом, чем Молдаванка. Районом даже не бедноты – нищеты.

– Да уж... Тока намотать себе кишки за пятку, щоб голову не просквозило! Тот еще фасон! – вздохнул Корень. – Вот тебе и засада – либо поцеловать замок и пролететь как фанера над Парижем, либо такой гембель, что мало не покажется! Но Японец сказал, они контрабандой торгуют, потому от властей и шифруются без хипиша всякого. Ну кому в голову придет, что лавка на Слободке продает камушки еще те?

– Странно как-то... Очень странно.

– Вот я и за то говорю. Без проверки никак, – тяжело вздохнул Корень.

– Ладно. Завтра схожу, все выясню. Если все чисто и рубины там, послезавтра можно брать, – решительно сказала Таня.

– Ты за ночь до сюда приходи. Здеся тебя никто не тронет. Языками почешем, мозгами перекинем – за это место мало кто знает.

Корень предложил, чтобы кто-то из его людей проводил Таню, но она отказалась. Ей всегда нравилось идти одной.

Она не спала всю ночь. Разговор с Корнем странным образом повлиял на нее – придал какую-то решимость, сил. И Таня согласилась на то, что давно хотела сделать... Но все боялась.

Настолько боялась, что и сделать ничего не могла. А теперь... теперь у нее больше не было страха. И дело было не только в том, что она захотела впервые в жизни участвовать в вооруженном налете. А в том, что душа ее непоправимо изменилась, словно сломалась в нескольких местах сразу. И после этого всё как-то неправильно срослось.

Утром, после десяти, Таня постучала в каморку к швейцару.

– Добрый день. Я давно хотела спросить вас про нашего соседа. Я не вижу его некоторое время. В дверь постучала – никто не ответил. Господин Сосновский. Он во флигеле живет. Первый этаж...

– Так это, барышня... – Швейцар вытянулся в струнку, выражая горячую готовность служить Тане всем, чем только можно. – Выехал господин Сосновский. Съехал с квартиры...

Швейцар назвал число – это было на следующий день после смерти бабушки.

Таня очень старалась держать себя в руках.

– А куда выехал? Адрес оставил для почты, для посетителей?

– Никак нет, барышня! Никакого адреса не сказал. И за квартиру его до конца месяца было уплочено. А он съехал и ничего не сказал.

Таня пошла прочь, стараясь не смотреть в сторону запертой двери квартиры Володи Сосновского. В ту сторону, где для нее навсегда закрылась часть ее жизни.

Глава 6

Красавица и цыганка. «Баба в налете – все дело испортит!» Страшный поворот в ювелирной лавке. Смерть Кати

Солнце светило ярко – непривычно ярко для марта. Разом отступил промозглый, сырой туман, полный влаги и разлившейся в воздухе тоски, и потоки ослепительного солнечного света мощной лавиной разом обрушились на город. Засверкали, заискрились, высвечивая не только каждую трещинку старинных домов, но и лица людей, как-то сразу ему открывшихся. И даже само настроение в городе стало другим, лица разгладились, а люди принялись улыбаться, словно старались казаться как-то добрей.

Солнце творило чудеса. Жители Одессы не привыкли долго существовать без света. И едва солнечные лучи яркой броней накрыли город сверху донизу, говоря о приближении самой настоящей весны, полной чарующих запахов цветов, все как-то ожило, заискрилось, отмерло от долгой зимы. Возвращалась праздничная, пьянящая атмосфера яркого веселья, до того дня словно скованная застывшим на морозе льдом.

Ни в одном городе мира жители не привыкли к солнцу больше, чем в Одессе. И у настоящих, коренных одесситов формируется самая прямая солнечная зависимость, словно от яркости солнечного света напрямую зависят их настроение и дела. И это действительно так: одесситы не существуют без солнца, вянут и блекнут без его целительных лучей, проникающих сквозь кожу в самую потаенную глубину души.

В солнечные дни даже дела движутся быстрее, а жители города становятся еще более доброжелательными, улыбаясь просто так, без причины.

Две изящные английские лошадки с трудом тащили в гору элегантный дорогой лакированный экипаж, который был явно не по карману простым обывателям. Старый седой кучер правил лошадьми твердой рукой. Но все равно, лошадям с трудом давался подъем – несмотря на яркое солнце, в городе еще не везде сошел снег и местами земля была вязкой, как болотная жижа. Экипаж поднимался с балки к Софиевской улице. Иногда лошади останавливались, фыркали, а копыта их разъезжались в размокшем снегу.

В экипаже сидела красивая дама в дорогом модном пальто, отороченном роскошным мехом белого песка. Ее белокурые волосы как чистое золото сверкали на солнце, выбиваясь из-под кокетливой белой песцовой шапочки.

Дама была молода, не старше 25 лет, и удивительно хороша собой. Особенно красивы были огромные голубые глаза, отчетливо выделяющиеся на нежной, как фарфор, бледно-розовой коже. Как и все одесситки, дама улыбалась редкому весеннему солнцу, этому радостному дню. В такт лошадям она весело раскачивала головой, и при каждом взмахе в ее изящных ушах подпрыгивали серьги-слезки – крупные бриллианты.

Но кучеру было не до веселья. Жесткой рукой он упорно старался заставить двигаться лошадей, и каждый метр пройденного пути воспринимал как свою собственную победу.

Наконец лошади одолели трудный подъем и, выбравшись на гладкие булыжники Софиевской улицы, бодро побежали рысцей, громко цокая по камням новыми подковами. В лучах солнца Софиевская была прекрасна, даже несмотря на то что на деревьях еще не было листвы, а на земле оставались полянки черного талого снега. За деревьями, посаженными в два ряда, просматривалось спокойное бирюзовое море. И было видно, как под солнечными лучами сверкают блики воды, напоминая самые настоящие драгоценные камни.

Экипаж быстро двигался к своей цели – красивому двухэтажному особняку, разделенному на несколько доходных квартир. Шарма особняку придавало и то, что его окружал большой ухоженный сад. Остановившись перед воротами, кучер спрыгнул со своего места и пошел их открывать, чтобы экипаж въехал во двор.

Именно в этот момент возле ворот появилась цыганка. Она была похожа на экзотическую разноцветную птицу. Ее пестрые одежды переливались на солнце, играли всеми цветами радуги и в солнечном свете были похожи на самое настоящее цветочное пятно – или, если угодно, яркую цветовую бомбу. Вдобавок к этому широкие юбки цыганки были обшиты блестками и стекляшками. Солнечные лучи отражались от них, и все это сверкало так, что от этого больно резало глаза.

Цыганка была молодая – высокая, худая, с обветренным смуглым лицом, она цепким, острым взглядом осматривала окрестности, мгновенно реагируя на малейшее изменение обстановки. Так в ее поле зрения сразу попала богатая дама в экипаже (точнее, чем работник любого ломбарда, цыганка с молниеносной скоростью оценила стоимость мехов и бриллиантов). И разумеется, не подойти к ней она просто не могла.

Цыганка приблизилась вплотную к экипажу и положила худую руку на дверцу. В солнечном луче хищно блеснули дешевые стеклянные перстни с яркими разноцветными камнями. Думая, что цыганка начнет попрошайничать, кланяться деньгами, дама нахмурилась – брови ее угрожающе сдвинулись на переносице, и она уже готова была крикнуть кучеру, чтобы тот прогнал незваную гостью, как вдруг цыганка произнесла низким, хриплым, глухим голосом:

– Не сомневайся даже, красавица! Через две недели будет.

Глаза дамы стали большими, как блюдца. На какое-то мгновение она даже потеряла дар речи, но быстро пришла в себя.

– В чем не сомневаться? Что через две недели будет?

– Предложение он тебе сделает. Не сомневайся даже. Если хочешь, точно могу сказать когда, – твердым голосом заявила цыганка.

– Что... как... откуда ты об этом знаешь? – растерялась дама.

– По твоему лицу вижу, читаю твое будущее. Извелась ты вся черными думами, горькими сомнениями. Если хочешь, погадаю тебе, красавица, всю правду скажу. Напрасны твои сомнения и горькие думы. Есть причина, по которой он так злобно сказал.

– Причина? О боже... Ты действительно можешь мне погадать? – У дамы прервалось дыхание.

– Ну конечно, красавица! Всю правду скажу, не сомневайся даже. И дату назову, и сомнения твои развею. Погадаю за рубль.

– Дорого что-то, – скривилась дама.

– Как услышишь от меня правду, для тебя это дешево будет. Я потомственная гадалка в восьми поколениях, никогда еще не ошиблась. Да ты поспрашивай тут в округе – все знают вещунью Земфиру. У меня очередь из желающих погадать! А подошла я к тебе потому, что жалко тебя стало. Вон как ты вся извелась, лица на тебе нет! А напрасно. Надо только послушать, что я скажу. Не пожалеешь, не сомневайся. – Лицо цыганки выражало уверенность.

Дама внимательно всматривалась в нее. Типично цыганская внешность – узкие скулы, яркие губы, черные как смоль волосы, блестящие на солнце массивные дешевые серьги с красными камнями-стекляшками. Сомнений не было – перед дамой стояла типичная представительница своего племени. Но не нищая попрошайка – пестрый красочный наряд цыганки стоил денег.

– Ладно, – дама решила, – иди за мной.

В этот момент кучер наконец-то открыл ворота и экипаж въехал во двор. Дама быстро вышла из экипажа и пошла к беседке в саду. Цыганка шла следом за ней. Обе уселись в беседке, скрытой от посторонних глаз. Цыганка раскинула карты.

– Любовник твой обидные злые слова наговорил потому, что ущерб у него был. Деньги потерял из-за нехороших людей, – цыганка разложила сальные, затертые карты, – говори, было такое?

– Точно! Ограбили его неделю назад. Ворвались в магазин какие-то бандиты со Слободки. Но взяли не так уж много – только всю выручку с кассы, а это были копейки. Окно сломали. Но он такой злой был... – тяжело вздохнула дама.

– Вот и наговорил тебе обидных слов! Но не только в этом причина. Жена у него больная, оттого бросить ее не может. Вот и страдает, ведь любит он тебя.

– Ох, как точно! Совсем извела его эта ведьма. Все деньги на курорты для нее тратит. А мне совсем мало дает... – Снова тяжелый вздох.

– Скоро даст больше. Большая у него сейчас прибыль. Новый товар в магазине.

– Точно. Два дня назад новый товар получил и еще ничего не продал, – сказала дама.

– Вижу красный цвет... Большие красные камни за серым металлом. Что-то серое...

– Это сейф в его магазине. Серый, в стене. А открывается моим именем. – В голосе дамы звучала жизнерадостная бодрость.

– Вот! И я говорю, что он тебя любит. Через две недели предложение сделает. Аккурат в конце марта.

– И будет свадьба? – дама ахнула.

– Непременно будет, но могут помешать злые люди, с которыми он совсем недавно связался по работе, – прищурилась цыганка.

– А, это, наверное, те бандиты, которым он платит за охрану. Он после ограбления стал платить, – доверительно сказала клиентка цыганке.

– Туз, – цыганка вдруг вытащила пикового туза, – что-то связано с Тузом!

– Да так бандита зовут, которому он деньги платит. Только что толку-то? – вздох.

Цыганка принялась говорить без остановки – о том, что любовник ее любит, что он уже точно решил бросить больную жену, и все говорила одно и то же, на разные лады повторяя каждую фразу. В конце снова раскинула колоду карт.

– Ты, красавица, мне имя свое скажи. Я тебе на имя погадаю.

– Зина, – дама аж покраснела, – Зинаида.

– Но есть еще одно имя? Вижу, он как-то иначе тебя называет?

– Зенит. Говорит, что я зенит его очей. Только вот не понимаю, что это такое?

На имя цыганка повторила то же самое. Наконец сеанс гадания был окончен. Дама вытащила из сумочки рубль, и он тут же исчез в бездонных карманах цыганской юбки.

– Сбудется все, вот увидишь. Еще вспомнишь меня, – с этими словами цыганка ушла так быстро, словно ее и не было. А дама, глубоко задумавшись, осталась сидеть в саду.

Цыганка очень быстро шла по Софиевской улице. Поднялась по Торговой до Садовой и быстро вошла в подвальный кабачок. Корень сидел за дощатым столом в углу общего зала и с аппетитом ел щи из миски, громко прихлебывая. Цыганка села напротив Корня.

– Угостишь, красавчик?

– А ну пошла отсюда! Нет у меня денег!

Цыганка рассмеялась. В смехе ее Корню послышалось что-то знакомое, он с удивлением поднял голову... И принялся всматриваться в лицо цыганки.

– Ты, что ли? Ни за что бы не узнал! Ну, ты артистка! Самая настоящая артистка, честное слово!

Таня (в облики цыганки была именно она) смеялась, весьма довольная собой.

– Идем в отдельную комнату, – Таня оборвала смех, – разговор есть.

Корень тщательно запер дверь на ключ. Лицо Тани стало серьезным.

– Новости и плохие, и хорошие. Начну с хорошей. Рубины действительно у него, он получил их два дня назад. Хранит их в сейфе в магазине. Теперь о плохом... Неделию назад его ограбили какие-то босьяки – влезли в магазин, разбили окно. Но про сейф ничего не знали, потому им достались гроши из кассы. После этого наш ювелир встухнул и обратился за охраной к Тузу. Теперь он платит Тузу за охрану. И это очень плохая новость. Тронем его – будет война с Тузом.

– Черт... – Корень выругался, – но меня навел на ювелира Японец!

– И не обманул – там есть рубины. Но я не понимаю эту игру, – нахмурилась Таня.

– Может начаться война Молдаванки со Слободкой. Так уже было за Сало. Усе как за фордабычились за картину маслом! Я чуть жизни не лишился! Чего хочет Японец?

– Я не знаю. Может, он просто не в курсе за охрану Туза? – предположила Таня.

– Японец не в курсе? Не смейся мои тапочки! Он всегда в курсе всего. Фраер...

– Тогда он хочет побоища, – продолжала хмуриться Таня.

– Я не знаю. Может, так за надо. Черт, это рубины... Там такие деньги, – Корень нервно заходил по комнате, – жалко бросить, тем более Японец сказал. Но с другой стороны, Туз... Я не знаю, что за то делать. Может, стоит брать? А если мы не откроем сейф? У меня нет хорошего медвежатника!

– Мы откроем сейф. Я знаю шифр, – улыбнулась Таня.

– Ну ты даешь! Шоб ты мне была здорова! Ты не шутикуешь?

– Я знаю шифр. И я открою сейф, если пойду с вами, – Таня улыбнулась, – просто погадала как следует его любовнице. Есть у него шикарная маруха на содержании. Подкупила служанку, потом напоила хорошим коньяком... Нет такой вещи, которую служанка не знала бы о своих хозяевах. Слуги многое знают. И это большая ошибка, что их не принимают всерьез.

– Да... – Корень остановился, серьезно глядя на Таню. – Теперь я понимаю, за что тебя так ценит Японец! Да в нашем деле ты просто клад!

– Пряма-таки... – Таня аж зарделась от удовольствия. – Что ты решаешь?

– А ты как за то думаешь?

– Я бы пошла. Я бы рискнула и пошла. И потом, мне очень нужны деньги. Знаешь, сколько я на костюме цыганки потратила? У меня выхода нет, Корень. Деньги очень нужны. Я бы рискнула и пошла. Мы бы быстро обернулись, до Туза. Я от служанки все его расписание узнала – когда контору закрывает, когда в лавке один. К вечеру можем захватить врасплох так, что не успеет Туза позвать. Сейф по шифру откроем. А если Туз чего – ты сразу к Японцу. Ведь, в конце концов, это Японец тебя послал.

– Ладно. Сегодня вечером. И будь шо будет. Не знаю... Может, не ходить до туда?

– Может, и не стоит. Но тогда подумай, что ты скажешь Японцу? Японец больше не поручит тебе серьезное дело. От тебя станут разбегаться люди. И что ты будешь делать дальше? Я бы не рисковала, будь у нас другой выход. Но ты сам понимаешь, что выхода нет.

На далекой церковной колокольне пробило восемь часов. За углом от ювелирной лавки Корень остановил подводу. Вместе с Таней их было шестеро. Корень и четверо его людей, двое из которых подозрительно и зло смотрели на Таню. Один из них, бандит по кличке Хрящ, попытался даже поскандалить:

– Она-то зачем? Баба в налете – все дело испортит!

– Заткнись, дурень! – Корень был настроен решительно. – Без нее мы сейф не откроем. Если не она... Ясно тебе, адиёт?

Таня была в мужском костюме и ничем не отличалась от остальных бандитов. Чтобы удобнее было прятать волосы, она срезала их до плеч, а потом заправила под мужскую кепку. Новая прическа шла ей еще больше. Таня выглядела красиво даже в мужском костюме.

Ювелирный находился в самом начале Слободки, в добротном двухэтажном доме, и занимал весь первый этаж.

– Мы не поздно идем? – по дороге в подводе спросил Таню Корень. Говорил шепотом, чтоб его не слышали остальные.

– Он раньше девяти вечера из конторы не уходит, – в тон ему шепотом ответила Таня, – вечером он как раз и совершает все свои контрабандные дела. Даже приказчика отпустит и будет один.

Внешне Таня излучала уверенность, но на душе у нее скребли кошки. Все было гораздо хуже, чем она думала. Как и в первый раз, когда она вышла на Дерибасовскую с Гекой, Таня страшно мучилась угрызениями совести. Нечто вроде запоздалых угрызений совести мучило ее и теперь. Корень хотел дать ей револьвер и научить стрелять, но Таня отказалась наотрез.

– Я никогда в своей жизни не возьму в руки оружие, – сказала она, – я ненавижу оружие. Давать револьвер мне бессмысленно. Все равно я не буду стрелять.

– А если на тебя нападут?

– Значит, так и будет. Уйду к бабушке, если судьба такая. Там все равно лучше, чем здесь.

Корень понял, что уговаривать бессмысленно, и больше не настаивал. В руках же всех остальных как по команде появились пистолеты, едва они выпрыгнули из подводы.

– Скажи своим идиотам спрятать пушки, – зло бросила Корню Таня, – я в дверь условным стуком постучу. Тогда и ворветесь.

Подшли к дому, на фасаде которого красовалась огромная вывеска «Ювелирное ателье Розенблата». В окнах магазина горел свет. Вокруг не было ни души. С наступлением темноты Слободка вымирала, и в восемь вечера во всей округе не было ни одного человека.

– Где охрана? – спросил Таню Корень.

– Охраны нет. По словам служанки, он платит охране и думает, что на него не нападут. То же самое сказала и любовница.

Подшли к закрытой двери. Изнутри не доносилось ни звука. Таня постучала условным стуком – четыре коротких, отрывистых удара. Но на это никто не отреагировал – полная тишина. Таня легонько подтолкнула дверь – было открыто. Корень сделал знак своим людям. Четверо ворвались внутрь магазина, держа наготове оружие. И остановились как вкопанные... Вслед за ними в магазин вошли Таня и Корень. Все внутри было залито кровью. Таня еще не видела такого страшного зрелища. На длинном прилавке, заляпанном кровавыми подтеками, на спине, лежал ювелир с перерезанным горлом. Из глубокой раны сочилась кровь, все еще продолжая стекать на пол. На полу на спине лежал приказчик – молодой мужчина с острой, козлиной бородкой, уставившись открытыми глазами вверх, в потолок. Горло его тоже было перерезано. Вдобавок в груди по самую рукоятку торчал охотничий нож.

– Матерь Божья... – прошептал один из бандитов, – святые угодники, защити нас...

– Боже... – Корень стал белым как мел, – подстава... Нас подставили... два жмурика...

Двойное убийство при налете даже во времена безвластия означало либо тюрьму надолго, либо расправу по законам военного времени – к стенке и пулю в голову. Вдобавок ко всему, двойное убийство нарушало некий неписанный кодекс воровского мира – налетчики угрожали оружием, но очень редко убивали тех, кого грабили. В криминальном мире мокрые дела стояли стороной, занимая особую, очень страшную нишу. Не каждый налетчик был способен на мокруху.

Здесь же убийства были совсем свежими – кровь еще не успела свернуться. Это означало, что убийцы опередили их меньше чем на полчаса.

Глядя на белые испуганные лица бандитов, Таня заставила держать себя в руках, несмотря на то что едва не потеряла сознание при виде крови.

– Тебя подставили, – она обернулась к Корню, – кто-то специально тебя подставил. Среди твоих людей есть крыса.

– Все мои люди чистые фраера, засохни свой язык! – Корень сердито зыркнул на Таню.

– Но ведь кто-то знал, что ты в восемь вечера придешь сюда?

– А почему крыса не ты? – Корень смотрел зло, и это было что-то новое в его отношении, Таня пока не могла понять этой перемены, но она болью резанула ее прямоком в сердце. – Ты знала.

– И подставила саму себя? Я же пришла с вами, разве не так? Нельзя же быть идиотом настолько!

– Эй, Корень, а там, за прилавком, какая-то дверь! – Один из бандитов указал на приоткрытую дверь стволом револьвера. – Давай заглянем туда, раз уж пришли!

– А если нагрянут фараоны? – перебил кто-то из бандитов.

– Можно и посмотреть, – сказала Таня, и двое бандитов зашли за прилавок.

Один из них распахнул дверь. В тот же самый момент к их ногам вывалилось тело тучной пожилой женщины, на груди которой ярким цветом расплывалась страшная багровая рана. Это была жена ювелира, и она была заколота ножом. Дверь же вела в кладовку, туда запихнули труп, зная, что тот, кто войдет сюда, не сможет пройти мимо.

– Господи... – Корень едва не рыдал, – только этого мне не хватало. Три жмурика...

– погоди... – Таня внимательно смотрела на одежду женщины, стараясь подавить тошноту. – Она одета, при полном параде, а не в домашней одежде, несмотря на поздний час. И приказчик был в лавке. Значит, они ждали кого-то важного. Например, серьезного клиента. И этот человек не был другом их семьи. Он был им знаком, но находился выше по социальному положению.

– Да шо за базар! Пустая туфта! – рассвирепел Корень. – Круче всех на ушах быть хочешь?!

– Наряд женщины! Платье дорогое, модное. На ней украшения. Их не взяли. Ради друга семьи, который часто бывает в доме, так не наряжаются. Ее лицо накрашено. Значит, она хотела произвести впечатление. Встреча была важной. Она пришла поддержать мужа. А присутствие приказчика указывает на то, что это был клиент. Их не ограбили. Смотри – ценности все на месте, касса не взломана, витрина не разбита. Похоже, их убили, чтобы тебя подставить. Первой на ум приходит эта причина.

– За дурною головой ноги через рот пропадают... Рвем когти. – Корень стал блее, чем был. – Я никогда никого не мочил. Надо залечь на дно...

– Нет, – голос Тани прозвучал решительно и резко и сразу вернул в чувство Корня, – нет. Мы пришли за рубинами – и мы их возьмем. Нет смысла убегать отсюда с позором, как трусливые мыши, поджав хвост. Нас подставили – дальше будем разбираться. Но деньги надо брать.

– А ведь она права! – Бандит, который так возражал против присутствия Тани, вдруг подошел и встал рядом с ней. – Даром мы тащились до сюда, или как? Это же не мы их мочили! А деньги нужны.

– Да вы шо, мозгами перекинулись? – заорал Корень, сжимая кулаки. – Я не дам вам брать эти проклятые камни! Пошли они под три черта! Они же кровью политы, дохлятина – вам шо, не базар?

– Ты мозгами поехал, брат? – Еще один бандит встал на сторону Тани. – Мы пришли за рубинами. Не мы мочили их – какой смысл уходить? Камни надо забрать!

– Не буду я их брать! Мне они не нужны. Пошли вы все... – В глазах Корня сверкала ненависть.

– Мне нужны. – Голос Тани зазвучал так твердо, что Корень даже перестал истерить. – Извини, Корень, но я их возьму.

Все бандиты перешли на сторону Тани и встали за ее спиной. Лица их не выражали ничего хорошего.

– Да ну вас, швицеры... – Корень сплюнул сквозь зубы. – Скажут, что мы мочили их за камней. Шо мы им башки перекинули, суки задохлые...

– Это все равно скажут, даже если мы не возьмем камни, – возразила Таня, – так почему мы должны быть в проигрыше из-за того, что произошло? С деньгами мы хотя бы сможем защищаться. Ты возьмешь камни и отнесешь Японцу. Это и будет твоя защита. Если ты такой щепетильный, я возьму.

– Да кто ты такая, щоб супротив меня язык подымать!.. Да это же я тебя за собой взял!.. А ты мне людей портишь, против меня поперла... – Корень смотрел на Таню с настоящей ненавистью, и она вдруг поняла, что их прошлые добрые отношения закончены. Они остались в прошлом. Изменилась она, изменился и Корень. Во всем были виноваты проклятые рубины и то, что Корень считал подрывом своего авторитета, – слова Тани...

– Учителя хорошие были, – зло отрезала Таня. Ей стало больно.

Сейф нашла без труда. Он был впаян в стену прямо за прилавком. Табло, по которому нужно было вводить код, было с греческими буквами. Но Таня не растерялась. Она вспомнила греческий алфавит, которому ее учили в гимназии, и набрала греческими буквами слово «зенит». Дверца сейфа щелкнула, открываясь. Бандиты издали торжествующий вопль. Корень смотрел на Таню с откровенной неприязнью. Она предпочла не заострять на этом внимание.

Камни были сложены в бархатный мешочек. По весу и объему он был довольно большим. Таня развязала мешок – в глаза тут же ударил их яркий блеск. Бандиты не скрывали восторга. Корень протянул руку к мешку. Но тот самый бандит, который резко возражал против Тани, снова выступил вперед:

– Нет. Пусть она возьмет. А то ты еще мозгами двинешься и выбросишь по дороге.

– Не выброшу. Добыча должна быть за главаря, – Корень аж покраснел от ярости.

– А что ты сделал, чтобы быть главарем? Она решила камни брать, она сейф открыла, она же все узнала про лавку... А что сделал ты? Пытался лишить нас законной добычи, заработанных денег? Нет уж, пусть камни будут у нее. Я сказал.

Бандиты выразили свое полное согласие глухим ворчанием. Таня хотела как-то сгладить ситуацию, но поздно: Корень уже выходил из ювелирной лавки, и даже по его спине было видно, что он кипит от ярости. И что он никогда больше не будет относиться к ней, как прежде.

Вернувшись домой, Таня швырнула проклятые камни в ящик комода и сразу легла в постель. Но сон не шел. Она страшно переживала из-за размолвки с Корнем. Она чувствовала, что уже испортила отношения с ним, что потеряла в нем друга. Не в силах оставаться, Таня быстро встала с постели, оделась и вышла из дома.

Корень был в кабачке на Садовой. Он сидел один, пил водку и смотрел прямо перед собой. Увидев Таню, подвинул ей стул.

– Садись. Выпьешь?

– Идем, – Таня потянула Корня за рукав, – я пришла сказать, что не хотела всего этого. Ты по-прежнему главарь. Если бы не ты, я не была бы такой смелой. Идем.

Таня привела Корня к своему дому, завела в квартиру и отдала камни.

– Завтра с утра отнесешь их Японцу и расскажешь все, что мы видели там.

– Я не возьму.

Таня уговорила его с трудом. И когда Корень ушел, унося с собой камни, Таня почувствовала такую физическую усталость, словно весь день таскала тяжелые мешки. Раздевшись,

она снова рухнула в постель, забывшись тревожным сном. Корень взял камни, но между ними ничего не изменилось. И тяжесть этого открытия давила на ее душу непосильным грузом.

Глухой стук в дверь вырвал Таню из сна. Она открыла глаза, не понимая, что происходит, откуда идет шум. Возле ее кровати со свечой стояла бледная Лиза в одной сорочке.

– Таня... Стучат...

Накинув поверх ночной рубашки шаль, Таня пошла к двери. За ней шла дрожащая Лиза. Она почему-то решила, что за Таней пришли из полиции, арестовывать. Напрасно Таня успокаивала Лизу, что никакой полиции нет.

Стук не превращался. Кто-то непрерывно колотил в дверь кулаком. Таня закричала грубо, стараясь не показать, как ей страшно:

– Кто там?

– Открывайте! Таня, это я, Ида.

Охнув, Таня распахнула двери. На пороге стояла заплаканная Ида с покрасневшим, распухшим лицом.

– Катька повесилась, – пробормотала Ида и, зарыдав, упала на руки Тани.

Глава 7

Подробности о Кате. Взрыв на заводе РОПИТ. Забастовка рабочих

– И в платье этом, пышном, как колокол, казалось, что летит она, королева, по воздуху... Такая пышная вся... И волосы у нее светятся, словно в них вставлены лампочки. Такая вся она и ходила в последние дни.

В эту ночь никто больше не спал, и Таня не отпустила Иду домой, усадив в кресло и почти насильно заставив дожидаться утра, окончания этой жуткой, мучительной ночи.

– Никуда тебя не отпущу, – резко сказала она, – мало ли какая шваль по подворотням сейчас вместо людей шастает. Делать гембель себе на голову – не те времена. Дошла – и хорошо. Но с чертом в прятки играть больше не будем. Сидишь здесь, ждешь утра. Да и расскажешь за всё.

В эту ночь никто больше не думал о сне, и тусклые лампы, горящие в полнакала, казались ослепительным, разрывающим душу адским огнем. Рыдавшая, Ида не могла остановиться. Ее помертвевшее лицо от слез распухло, как взбитая подушка, но это выглядело совсем не смешно, а жалко. Лиза откупорила бутылку коньяка, налила щедрую порцию в стакан и заставила Иду сделать несколько глотков. Зубы Иды выбивали болезненную дрожь по стеклу. Но коньяк помог. Резко захлебнувшись последним рыданием, она вдруг прекратила плакать. А потом смогла говорить. Вернее, не только говорить, но и отвечать на прямые вопросы Тани.

Та заставила ее рассказать все с самого начала. Начало было не очень длинным.

– Расфуфырилась, как шмаровозка без прицепа, – говорила, икая, Ида, – и вся ходила за такая нафордыбаченная – чуть ли не сопли веером. Но не кичилась за нас за свое счастье. Нет, добрая она была. Улыбалась миру. И хотела, чтобы мир улыбался за ей, – она снова начала рыдать.

Таня узнала для себя новое – о том, что родственники Кати переехали обратно в деревню, оставив ее одну в городе. Неожиданно отыскался Катькин брат – один из тех, что ушел с контрабандистами. Второй исчез без вести. Оказалось, что брат не сгинул в темном суровом море контрабандных страстей. Более того – разбогател. Был начальником контрабандной артели, а потом, после нескольких перестрелок с таможенниками, решил завязать с бизнесом. Тем более, что в последних рейсах его подставили так, что он чуть не попал в тюрьму.

Взяв из дела все деньги, он купил в деревне два дома, один – для себя, другой – для родителей, женился на деревенской девушке и заделался чуть ли не помещиком. На него даже стали работать батраки. Родители Кати с радостью вернулись обратно в деревню – так и не прижились они в городе. Хотели забрать с собой и Катю, да только та ни в какую. По словам Иды, Катка давным-давно обосновалась в городе и уже не была деревенской. Готова была на что угодно, чтобы не возвращаться обратно в навоз.

– Разругалась она с ними страшно, – говорила Ида, – по всему двору перья летали, когда перины делили. Да Катка та еще фраерша, ей палец до рта как положишь, так за две руку

откусит. Она их устроила за вырванные годы через тухлое горло. Родители уехали, а Катька осталась в городе. Комната была за ней.

Через время, по словам Иды, Катька и встретила своего фраера.

– Ну, чистой воды фраер – ну тебе ни конь в пальте, трусы на галстук не носит, – продолжала Ида, – как за Катькин рот, так фасон у него за всю Дерибасовскую – ни охнуть тебе, ни сдохнуть. За еще тот фасон...

– Ты его видела? – нахмурилась Таня. – В лицо узнаешь?

– Да ни в жисть не видела, – сказала Ида, – ни лицо, ни манеру, и никто за него не видел. То ж за Катькин рот слова на уши наматывались через его фасон.

По ее словам, фраер никогда не приезжал на Молдаванку к Катьке, но это не мешало всей округе знать о Катькином романе во всех подробностях. Саму же Катю словно подменили – фраер покупал ей дорогие платья, наряжал как даму, и она стала совершенно другой.

– Люди опытные, за жизнь знающие, – вздыхала Ида, – за этот гембель ей говорили: шоб ты так жила, как мы ему верим! Да ни за какие дела не может быть за такое, шоб фраер как за здесь... За концы выкишится, как фанера над Парижем, и сделает ручкой за вырванные годы. Но Катька только зубы скалила – не тошни на нервы да замолчи свой рот...

Никто не верил в честные намерения заезжего фраера по отношению к девушке с Молдаванки. Но Катька и слушать ничего не хотела. А потом вдруг объявила, что он женится на ней.

– И это за после театры да рестораны, – говорила Ида, вздыхая, – да никогда за такой бикицер никто и не слышал, шоб после такого марочного гембеля да под венец.

Но Катька ходила счастливая и хотела, чтобы весь мир улыбался ей.

– За тот последний день... – Ида снова заплакала, и Лиза почти насильно влила в нее коньяк. – За тот последний день я не пошла на Дерибасовскую... – всхлипывала Ида, – красный флаг вывесила... Дома надо было посидеть за день... Ну, как за то бывает, ты знаешь... На голову вдруг сваливается такой шухер... И говорит: тут тебе не за здесь.

Ида сидела у окна и видела, как днем, часов около четырех Катя вдруг куда-то ушла необычно нарядная. Шла она одна да еще и надела свое лучшее красное платье из чистого шелка. Ида даже решила, что фраер снова ведет ее в театр или в ресторан.

Когда стемнело, Катька еще не вернулась, и Ида отошла от окна, занимаясь своими делами. Когда же Ида выглянула в окно из другой комнаты, окошко которой как раз в упор выглядывало на окно клетушки Кати, было уже около восьми часов вечера.

Именно тогда в окне Ида вдруг заметила метущееся пламя свечи, что показалось ей очень странным. На Молдаванке редко жгли свечи, ведь стоили они дорого. В основном пользовались керосиновыми лампами.

Но в окне Кати горела не лампа, а тонкая свеча, в этом Ида была абсолютно уверена. Пламя свечи так и плясало – туда-сюда, туда-сюда...

– Словно дышал на него кто-то, – старалась припомнить подробности Ида, – словно пламя не из свечи выходило, а за рот... за рот на свечу говорил кто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.